

ОТДѢЛЪ I.

Акаѳистъ Божіей Матери,

Русь и патріархъ Фотій.

I.

Содержаніе Акаѳиста Божіей Матери въ краткихъ чертахъ. — Акаѳистъ Божіей Матери, какъ историческій фактъ. — Трудности опредѣленія времени появленія Акаѳиста Божіей Матери (изданія текста, четы-минейныя сказанія). — Общій обзоръ мнѣній о времени и причинахъ установленія праздника Акаѳиста Божіей Матери и составленія его пѣснопѣнія, начиная съ IX вѣка сплошь до настоящаго времени. — Неопредѣленность вопроса. — Заключение.

Столица византійской имперіи, великій Константинополь, былъ нѣкогда осажденъ однимъ нехристіанскимъ народомъ, угрожавшимъ ему опасностью полнаго разоренія; но онъ нечаянно спасся, благодаря явному заступничеству Пресвятой Богородицы; изъ жалости къ осажденнымъ христіанамъ она не замедлила явиться въ средѣ ихъ невидимымъ военачальникомъ противъ врага. Однако такая свыше дарованная помощь была слѣдствіемъ продолжительнаго моленія, приносившагося колѣнопреклоненно-стоящимъ народомъ въ великомъ храмѣ Святой Софіи, въ которомъ вмѣстѣ съ этимъ воспѣвалось особенное пѣснопѣніе, посвященное Пресв. Богородицѣ, такъ называемый *Акаѳистъ* (*ἀκάθιστος ὕμνος* = несѣдальное пѣснопѣніе). Съ тѣхъ поръ установленъ специальный ежегодный праздникъ—Акаѳистъ, въ который отъ лица Константинополя и всей имперіи возносилось общее благодарственное моленіе къ Пресв. Богородицѣ за ея прежнюю благостыню.

Такова въ краткихъ чертахъ гипотеза объ историческомъ происхожденіи извѣстнаго намъ Акаѳиста. Имъ въ сущности передается

дѣйствительное событіе въ религіозной концепціи, которое засвидѣтельствовано подлинными историческими документами, но затемнено преданіемъ. Говорится ни о чемъ другомъ, какъ только о дѣятельности народа, который, находясь въ крайне опасномъ положеніи и напругая свои послѣднія силы, спасся исключительно силою своей искренней и живой вѣры въ божественное покровительство. Византійскіе писатели, умалчивая про народное движеніе, говорятъ только о его слѣдствіи, какъ воспоминаніи о сверхъестественномъ спасеніи города отъ угрожавшей ему гибели. Такъ издавна переданный намъ историческій фактъ привлекъ къ себѣ вниманіе при изученіи византійской исторіи. Прежде всего потребовалось его хронологическое опредѣленіе, когда многіе писатели и отнесли его ко временамъ царствованія Ираклія. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ неосновательность подобнаго мнѣнія, хотя жертвами его явились весьма извѣстные историки. Заблужденіе выяснилось только въ настоящее время, съ появленіемъ нѣсколько одностороннихъ и безприемныхъ изслѣдованій. Они, хотя далеко отстоятъ отъ положительнаго рѣшенія вопроса о времени и причинахъ происхожденія Акаеиста Богородицѣ, усилили однако сомнѣнія въ цѣнности и научномъ значеніи доселѣ преобладающаго мнѣнія.

Сколько бы ни писалось объ Акаеистѣ Божіей Матери, можно съ увѣренностью сказать, что онъ по существу остается пока неизслѣдованнымъ. Свидѣтельствуется объ этомъ, во-первыхъ, отсутствіе до настоящаго времени критическаго изданія самаго пѣснопѣнія. Между тѣмъ только такое изданіе могло бы дать намъ указанія какъ на древность сохранившихся списковъ, такъ и на подлинность первоначальной редакціи пѣснопѣнія или, по меньшей мѣрѣ, наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о настоящемъ. Двойкій характеръ существующихъ изданій — популярности и полуучености — совершенно недостаточенъ и бесполезенъ въ цѣляхъ опредѣленія первоначальнаго преданія о текстѣ. Популярнымъ изданіемъ слѣдуетъ считать текстъ пѣснопѣнія въ печатныхъ церковныхъ книгахъ. Филологи обыкновенно пользуются изданіемъ текста въ извѣстной *Anthologia* профессоровъ Christ'a и Параники¹⁾, а также въ *Analecta sacra* кардинала Pitra²⁾, составленныхъ на основаніи тринадцати манускриптовъ, хотя и не столь

1) *Anthologia graeca carminum christianorum*. Lipsiae 1871, стр. 140—147.

2) Pitra, *Analecta sacra spicilegio Solesmense parata*, т. I, стр. 250—262.

древнихъ редакцій. Однако изданіе Питры не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ; сохранено не мало древнихъ списковъ, значительно расходящихся въ стилѣ, а мѣстами съ пропусками и перестановками. Поскольку такія разногласія остаются невыясненными, по стольку мы должны сомнѣваться въ неповрежденности текста со стороны переписчиковъ, или пѣвцовъ. Какъ бы то ни было, при поверхностномъ изученіи текста Акаѳиста, полезно сопоставлять его съ популярными списками; такихъ, найденныхъ послѣ Питры, пять: два — открыты трудолюбивымъ монахомъ Александромъ Эморфопуломъ въ рукописяхъ Великой Аѳонской Лавры¹⁾; третій сличилъ Ѳаддеевъ на основаніи Патмосской рукописи XI вѣка²⁾; съ четвертымъ познакомилъ насъ проф. Параника по рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Халкинской Богословской Школы, не опредѣливъ однако ея даты и номера³⁾; а съ пятымъ текстомъ — Архимандритъ Амфилохій⁴⁾. Полезенъ также и текстъ въ Тріоди, отпечатанной въ Римѣ (въ 1738 г.) и представляющей стихометрію извѣстнаго манускрипта⁵⁾.

Второй и самый важный недостатокъ, способствующій трудности опредѣлить время составленія Акаѳиста Божіей Матери, заключается въ непростительномъ игнорированіи спеціальныхъ сказаній объ Акаѳистѣ, попадающихъ въ формѣ четьи-минейныхъ повѣствованій, и въ отсутствіи надлежащаго ихъ сличенія и разбора. Прежде всего слѣдуетъ отличать первоначальное сказаніе отъ различныхъ позднѣйшихъ его редакцій; а при внимательномъ ихъ сличеніи съ оригиналомъ мы убѣждаемся въ томъ, что распространенныя мнѣнія объ Акаѳистѣ находятъ свое объясненіе въ произвольной порчѣ и ошибочной интерпретаціи первоначальнаго сказанія. Оно обнародовано нѣкогда Константинопольскою церковью съ цѣлью объяснить причины установленія новаго переходящаго праздника — Акаѳиста, т. е. праздника похвалы Божіей Матери. Это извращеніе и ошибочное истолкованіе — весьма древни; несвоевременное же ихъ раскрытіе благоприятствовало появленію въ различныя времена такого изобилія про-

1) 'Εκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, т. 12, стр. 395—396.

2) Извѣстія Русскаго Археолог. Института въ Константинополѣ, Софія 1898, т. 3, стр. 213—216.

3) 'Εκкл. Ἀλήθεια, т. 13, стр. 44—48.

4) Амфилохія Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII в. Москва 1879, стр. 106—111.

5) Τριώδιον νεωστὶ τυπωθὲν καὶ μετὰ πολλῆς ἐπιμελείας διορθωθὲν κατὰ τοὺς παλαιούς βίβλους ἐν ἔτει ραψλη', стр. τζη'—τπβ'.

творющихъ мнѣній, благодаря которому вопросъ о времени происхожденія Акаѣиста Божіей Матери въ настоящее время признанъ открытымъ и нерѣшеннымъ.

По древнѣйшему изъ этихъ мнѣній, приписываемому хронографу IX вѣка, монаху Георгію, обыкновенно прозываемому Амартоломъ, составленіе Акаѣиста и Кондака «Взбранной Воеводѣ» относится къ 677 году, когда Константинополь былъ окончательно освобожденъ отъ нашествія и осады Арабовъ¹⁾. Однако мнѣніе это основывается не на подлинномъ произведеніи *Χρονικόν* монаха Георгія, которое остается пока неизвѣстнымъ, но на позднѣйшей его редакціи писателя-исправителя его разными прибавками и дополненіями. По другому же мнѣнію, болѣе распространенному и не менѣе древнему, праздникъ нашъ относится, какъ мы уже говорили, ко временамъ царствованія Ираклія и патріархіи Сергія. Оно появляется впервые въ качествѣ заглавія первоначальнаго сказанія объ Акаѣистѣ, явно же подтверждается въ XIII вѣкѣ анонимнымъ авторомъ хроники подъ заглавіемъ *Σύνοψις Χρονική*. Въ концѣ своего сказанія объ извѣстной осадѣ Константинополя Аварами и Персами при Иракліѣ, онъ положительно заявляетъ: «Съ тѣхъ поръ въ память чуда установлено, чтобы ежегодно воспѣвалось всенощное бдѣніе Акаѣиста, когда Сергій и составилъ пѣнія по порядку буквъ, такъ называемыя *οἴκοι* (= икосами) побѣдоносной и поборницѣ нашей». (*Ἐκτότε οὖν εἰς μνήμην τοῦ θαύματος ἢ τῆς ἀχαδίστου κατ' ἔτος ἐτυπώθη ψάλλεσθαι παννυχίς, τοῦ Σεργίου συνταξάμενου τοὺς κατὰ στοιχεῖον, οὓς δὴ καὶ οἴκους λέγομεν, ὕμνους τῇ νικοποιῶ καὶ ὑπερμάχῳ ἡμῶν*)²⁾. Вопреки своей категоричности, мнѣніе это оказывается ошибочнымъ при внимательной его оцѣнкѣ. Вѣрно, что имя патріарха Сергія тѣсно связуется съ нашествіемъ Персовъ и Аваровъ въ 626 г. тѣмъ, что онъ установилъ особенный праздникъ въ память тогдашняго спасенія города, но не слѣдуетъ этотъ праздникъ смѣшивать съ извѣстной намъ службой Акаѣиста. При этомъ нужно замѣтить, что имя патріарха Сергія не упоминается ни въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ Акаѣиста, написанныхъ до XIII вѣка³⁾; и, независимо отъ этого, вообще византійскіе хронографы того-же XIII

1) *Γεωργίου χρονικόν*. С.-Петербургъ 1859, стр. 612, изд. E. de Muralt.

2) К. Σάθα, *Μεσαιωνική βιβλιοθήκη*, т. 7, стр. 109.

3) Списковъ Акаѣиста сохранено до насъ много, начиная съ X вѣка; характерно, что только списки XV вѣка приписываютъ Акаѣистъ Сергію. См. *Pitra, Analecta sacra*, т. I, стр. XXXI.

вѣка не знали настоящаго автора нашего пѣснопѣнія. Безыменная замѣтка, найденная Петромъ Палагеоргіу въ рукописи XIII вѣка, говоритъ: «Эти божественные икосы не принадлежать, какъ говорятъ нѣкоторые, Сергію, украшавшему тогда константинопольскій престоль, но дивному Роману, прозванному сладкопѣвцемъ». (Οὔτοι οἱ θεῖοι οἶχοι οὐκ εἰσὶν, ὡς τινες λέγουσιν, Σεργίου τοῦ τηλικαῦτα κοσμοῦντος τὸν θρόνον) Κωνσταντινουπόλεως, ἀλλὰ τοῦ θείου Ῥωμακνοῦ, ὃς ἐπεκαλεῖτο μελωδός) ¹⁾). Авторъ замѣтки приводитъ далѣе причину, почему и онъ самъ вмѣстѣ съ «нѣкоторыми» считаетъ именно Романа составителемъ пѣсней-икосовъ, но другой читатель зачеркнулъ ее, вѣроятно найдя ее неудовлетворительной. Такимъ образомъ въ XIII вѣкѣ ни Сергій, ни Романъ не могли называться авторами Акаѳиста. Между тѣмъ мнѣніе о его появленіи во времена Ираклія настойчиво распространялось, о чемъ можно судить изъ краткаго сказанія, составленнаго Никифоромъ Каллистомъ Ксанеопуломъ (XIV в.) и читаемаго въ Трїодяхъ ²⁾). Послѣ же продолжительнаго молчанія относительно нашего вопроса авторовъ позднѣйшихъ Ксанеопула, въ XVII в. патріархъ Іерусалимскій Досѳеѳей ³⁾ высказалъ мнѣніе, что службу и пѣснопѣніе Акаѳиста Божіей Матери слѣдуетъ отнести ко времени Льва Исавра и патріарха Германа. Онъ основывается исключительно на первоначальномъ четы-минейномъ сказаніи, гдѣ, какъ послѣднее чудесное спасеніе города въ отношеніи къ предыдущимъ нашествіямъ, описывается бывшее при Львѣ Исаврѣ. Однако въ томъ-же XVII вѣкѣ Мелетій Каллона относитъ составленіе Акаѳиста къ 626 году, авторомъ же его считаетъ Сергія. Аргументація Каллоны несостоятельна сама по себѣ, характерна только въ одномъ отношеніи: писатель прямо сознается въ томъ, что пѣснопѣніе *μόνον κατὰ παράδοσιν* (только по преданію) приписывается Сергію. Но въ подтвержденіе преданія онъ считаетъ нужнымъ привести цѣлую сказочку, конечно, или имъ самимъ измышленную, или слышанную отъ кого нибудь изъ современныхъ ему монаховъ. Сказка такова: «Кто составилъ эти икосы: — я не знаю; *да и писано ли объ этомъ идѣ-либо?* Только по преданію говорятъ нѣкоторые, что составилъ ихъ самъ Сергій, но что впоследствии

1) Byzantinische Zeitschrift, VIII, стр. 408.

2) Минейное сказаніе Ксанеопула содержится во многихъ спискахъ и въ разныхъ изданіяхъ греческой Трїоди. См. еще Gretser, Georgius Codinus. Parisiis 1625, стр. 248—250. Migne, Patrol. gr., т. 92, ст. 1348—1353.

3) Δοσιθέου Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱερουσόλοις πατριαρχουσάντων, стр. 623.

онъ впалъ въ ересь, и неправильно исповѣдывалъ божественные и священные догматы нашей православной вѣры... , но, проклятый, богохульно разглагольствовалъ будучи одержимъ своею нечестивою ересью. Поэтому святой царьградскій синодъ, справедливо лишившій сана, изгналъ его и всѣ его лжемудрствованія, равно какъ и всѣхъ его единомышленниковъ предалъ анаѳемѣ. Онъ же, не перенеся оскорбленія и униженія отъ православныхъ, тайно убѣжалъ изъ Константинополя; послѣ чего и гнусно скончался. Тогда святые и богоносные отцы, божественною ревностью движимые, взяли всѣ его сочиненія, которыхъ, какъ говорятъ, было много, какъ и массу хвалебныхъ пѣснопѣній Богородицѣ, и передали ихъ всѣ сожженію; но въ то время, когда они сжигались, происходилъ въ огнѣ трескъ, и эти икосы выбрасывались вонъ, не смотря на троекратное ихъ вверженіе обратно въ огонь. Святые отцы, увидѣвъ такое чудесное явленіе, поняли, что изъ всѣхъ другихъ только эти пѣснопѣнія были угодны Богородицѣ, и, найдя ихъ душеполезными и спасительными, передали ихъ святой церкви, какъ весьма великое и душеспасительное сокровище, о которомъ и свидѣтельствовала Блаженнѣйшая Дѣва, тѣмъ троекратнымъ трескомъ будто говоря: только эти хвалебныя пѣсни мнѣ нравятся; примите ихъ, какъ драгоценный даръ; онѣ доставятъ многимъ спасеніе и оставленіе грѣховъ». (Ποῦτος δὲ νὰ ἐσύνθεσε τούτους τοὺς οἴκους, δὲν ἤξεύρω νὰ εἶναι ποθὲς γραμμένον· μόνον κατὰ παράδοσιν λέγουν τινές, πῶς αὐτὸς ὁ Σέργιος νὰ τοὺς ἐποίησε καὶ ὅτι μετέπειτα ἠσέβησε καὶ δὲν ὠμολόγει πλέον ὀρθῶς τὰ τῆς ὀρθοδόξου μας πίστεως θεῖα καὶ ἱερά δόγματα... , ἀλλ' ἐβλασφημολόγει ὁ τρισκατάρατος τὰ τῆς δυσσεβεστάτης τοῦ αἰρέσεως φλυαρήματα. Διὰ τοῦτο δικαίως καὶ ἡ ἅγια τῆς βασιλευούσης τῶν πόλεων σύνοδος τὸν ἐκάθηρε καὶ ἐξωστράκισε καὶ τὰ ἀσεβέστατα αὐτοῦ μωρολογήματα καὶ πάντας τοὺς ὁμόφρονάς τοῦ ἀναθεμάτισεν· αὐτὸς δὲ μὴ ὑποφέρων τὸν ὀνειδισμόν καὶ ἀτιμίαν ἀπὸ τοὺς ὀρθοδόξους ἔφυγε κρυφὰ ἀπὸ τὴν Κωνσταντινούπολιν καὶ κάκιστος κακῶς ἐτελεύτησεν· οἱ δὲ ἅγιοι καὶ θεοφόροι πατέρες ζήλω θείῳ κινούμενοι ἐβγαλαν ὅλα τοῦ τὰ βιβλία, τὰ ὅποια ὡς λέγουν ἦσαν πολλὰ καὶ μάλιστα τῆς Θεοτόκου ἐγκώμια πολλότατα, καὶ τὰ ἔκαυσαν ὅλα· καὶ καθὼς ἐκαίοντο, ἐγένετο κτύπος εἰς τὴν φωτίαν καὶ τοῦτοι οἱ οἴκοι ἐκφέροντο ἔξω· καὶ μ' ὅλον ὅτι τοὺς ἐμετάβαλαν ὡς τρεῖς φοαῖς, πάντα μὲ κτύπον ἐπηδοῦσαν ἔξω ἀπὸ τὴν φωτίαν· ὥστε θεωρήσαντες οἱ ἅγιοι πατέρες τοιοῦτον θαυμάσιον, ἐγνώρισαν ὅτι μόνον τοῦτοι οἱ ὕμνοι ἀπὸ ὅλους τοὺς ἄλλους ἦσαν ἀρεσχοῦμενοι τῇ Θεοτόκῳ, καὶ ἐξετάσαντες τοὺς ἦσαν ψυχωφελεῖς καὶ

σωτηριώδεις, και τούς ἐπαράδωσαν εἰς τὴν ἁγίαν Ἐκκλησίαν ὡς μέγαν τινὰ και ψυχροσωτήριον θησαυρόν, ὡσάν νὰ ἔλεγεν ἡ μακαριωτάτη παρθένος με τούς τρεῖς κτύπους τῆς φωτίας: Τοῦτοι μόνον οἱ ἔπαινοι μοῦ ἀρέσκουν· τούτους λάβετε ὡς δῶρον πολύτιμον· τοῦτοι μέλλουν νὰ δώσουν πολλῶν σωτηρίαν και ἄφεσιν ἁμαρτιῶν) 1).

Однако уже въ XVIII вѣкѣ Josephus Maria Quercius думалъ лишить славы Сергія и приписалъ составленіе Акаѳиста Божіей Матери Георгію Пизидѣ, ссылаясь просто на то, что, какъ въ Акаѳистѣ, такъ и въ извѣстномъ стихотвореніи Пизиды 2): Εἰς τὴν γενομένην ἔφοδον τῶν βαρβάρων και εἰς τὴν αὐτῶν ἀστοχίαν Богородица называется στρατηγός. Quercius упустилъ изъ виду, что въ данномъ стихотвореніи нѣтъ даже простаго намека на опредѣленіе какой-нибудь службы въ родѣ Акаѳиста. Тѣмъ не менѣе къ мнѣнію столь шаткому примкнули многіе изъ ученыхъ 3).

Наконецъ въ XIX вѣкѣ преобладаютъ различныя мнѣнія. Константинъ Икономосъ пишетъ: «По мнѣнію большинства (кого?) икосы Богородицы составилъ Аполлинарій Александрійскій, жившій въ IV вѣкѣ» 4). Почти тоже самое, только другими словами, повторяетъ Мануиль Гедеоу: «По всей вѣроятности пѣснопѣніе составлено послѣ смерти Юліана Отступника» 5). Онъ же находитъ Юліана, какимъ то чудомъ, даже въ самомъ пѣснопѣніи. Іоаннъ Саккеліонъ подтверждаетъ мнѣніе Икономоса безъ серьезнаго обоснованія 6). Иннокентій высказывается за Сергія 7), такъ-же и Pitra 8); за нимъ послѣдовали

1) Μελετίου ἱερομονάχου Καλλονᾶ τοῦ Κρητός, Οἱ κδ' οἴκοι τῆς ὑπεραγίας δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου και ἀειπαρθένου Μαρίας, παραφραστικῶς μετενεχθέντες εἰς τὴν τῶν Ῥωμαίων ἀπλῆν γλῶσσαν. Ἐνετίησιν 1695. См. Εὐαγγέλιου Κοφινιώτου Ἀκάθιστος ὕμνος. Ἐν Ἀθήναις 1901, стр. 20—22.

2) Pisidae exreditio persica, Bonnæ 1836, стр. 47—68.

3) Филарета еписк. Черниговскаго, Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ. Черниговъ 1864, стр. 243. — Ловягинъ, Богослужбные каноны. Изд. третье. С.-Петербургъ 1875, стр. 192. — А. Петровскій, Правосл. Богословская Энциклопедія, СПб. 1900, т. I, стр. 378. — Сергій Послушникъ, Акаѳисты. Библиографическія замѣтки. СПб. стр. 8—9. — А. Поповъ, Православные Акаѳисты, въ Православномъ Собесѣдникѣ. Казань 1902, т. I стр. 61—62.

4) Κ. Οἰκονόμου, Περὶ τῆς γνησίας προφορᾶς. Ἐν Πετροῦπόλει 1830, стр. 667.

5) Πατριαρχικοὶ πίνακες. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1885—1887, стр. 240—241.

6) Ἰ. Σακκελίων, Περὶ τῶν κδ' οἴκων τῆς Θεοτόκου въ журналѣ Σωτήρ, Аѳины 1891, стр. 89—99.

7) Иннокентій, Истор. обзоръ богослужбныхъ книгъ Грекороссійской Церкви. Кіевъ 1836, стр. 59.

8) Analecta sacra, т. I, стр. XXXI и 250.

еще и другіе: Christ ¹⁾, Bouvy ²⁾, Параника ³⁾, Семителось ⁴⁾ и Dieterich ⁵⁾. Амфилохій хочетъ Романа пѣснопѣвца ⁶⁾; тоже самое и Эвморфопуль ⁷⁾. Ставрось Вутира примыкаетъ къ мнѣнію составителя хроники монаха Георгія, что Акаѳистъ относится къ временамъ Константина Погоната ⁸⁾. Нужно замѣтить здѣсь, что Вутирѣ принадлежитъ остроумное замѣчаніе, что въ самомъ пѣснопѣніи ничто не побуждаетъ насъ высказаться за Сергія: оно явно осуждаетъ его моноелитское ученіе въ слѣдующихъ стихахъ: «Ибо для этого вышній Богъ и явился на землѣ смиреннымъ человѣкомъ» ⁸⁾ и «неописуемое Слово все было долу, но и горняго отнюдь не оставляло. Устроитель всего желая спасти міръ, пришелъ къ нему по собственному обѣтованію, и будучи пастыремъ, какъ Богъ, ради насъ явился подобнымъ намъ человѣкомъ; ибо, признавъ подобное подобнымъ, онъ, какъ Богъ, слышитъ» ⁹⁾ (Акаѳистъ ст. 172—176 и 217—223). Правильность заключенія Вутиры даетъ намъ полное основаніе полагать, что Акаѳистъ — произведеніе дѣйствительно гораздо позднѣйшее временъ Сергія. Все таки положительное рѣшеніе вопроса ему не удалось. Мнѣніе его о составленіи пѣснопѣнія во времена Погоната ¹⁰⁾, оказавшееся несостоятельнымъ, послужило поводомъ Крумбахеру считать вопросъ объ Акаѳистѣ пока нерѣшеннымъ ¹¹⁾. Поэтому и Евангелъ Кофиніоти въ своемъ трактатѣ объ Акаѳистѣ прямо называетъ *неопредѣленными* вопросы, относящіеся ко времени и автору Акаѳиста ¹²⁾.

Причина подобной запутанности и неопредѣленности, равно какъ и научной бесплодности столькихъ специальныхъ изслѣдованій лежитъ, по нашему мнѣнію, въ неправильности постановки вопроса и въ не-

1) Anthologia graeca carminum christianorum, стр. XXXV.

2) Ed. Bouvy, Poètes et mélodes. Nimes 1886, стр. 206.

3) Ὁ ἐν Κ/πόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σὺλλογος, т. 25, стр. 136—150.

4) Δ. Χ. Σεμιτέλου Ἑλληνικὴ μετρικὴ. Ἀθήνησιν 1894, стр. 131.

5) K. Dieterich, Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Litteratur. Leipzig 1902, стр. 36.

6) Архим. Амфилохія Кондакарій, стр. 16.

7) Ср. Krumbacher, Geschichte d. byz. Litt²., стр. 672.

8) Διὰ τοῦτο γὰρ ὁ ὑψηλὸς θεὸς ἐπὶ γῆς ἐφάνη ταπεινὸς ἄνθρωπος.

9) Ὁλος ἦν ἐν τοῖς κάτω καὶ τῶν ἄνω οὐδ' ἔλας ἀπῆν ὁ ἀπερίγραφτος λόγος. Σῶσα θέλων τὸν κόσμον ὁ τῶν ἔλων κοσμητῶν πρὸς τοῦτον αὐτεπάγγελτος ἦλθε καὶ ποιμὴν ὑπάρχων ὡς θεὸς δι' ἡμᾶς ἐφάνη καὶ ἡμᾶς ἄνθρωπος ὁμοίω γὰρ τὸ ὅμοιον καλέσας ὡς θεὸς ἀκούει.

10) Νεολόγου Ἑβδομαδιαία Ἐπιθεώρησις 1893, т. II, стр. 411—413, 431—434, 511—513.

11) Geschichte d. byz. Litteratur ², стр. 672.

12) Ε. Κοφινιώτου, Ἀκάθιστος ὕμνος. Ἐν Ἀθήναις 1901, стр. 13 и 16.

прочности точки отправленія. Требуется прежде всего, какъ мы говорили выше, ближайшее ознакомленіе и точный разборъ тѣхъ письменныхъ документовъ, которые относятся непосредственно къ происхожденію службы и пѣснопѣнія АкаѦиста.

II.

Первоначальное сказаніе объ АкаѦистѣ Божіей Матери; его содержаніе.—Объясненіе разнообразности его заглавій въ церковныхъ книгахъ. — Заглавіе, относящее АкаѦиста Божіей Матери ко временамъ Ираклія и Сергія; неточность заглавія и полная несостоятельность этого мнѣнія. — Значеніе спеціальнаго праздника 7-го августа въ память осады Константинополя при Сергіѣ. — Непониманіе Ксанеопула и другихъ сократителей первоначальнаго синаксаря объ АкаѦистѣ Божіей Матери.—Разборъ и опроверженіе мнѣній о появленіи АкаѦиста при Константинѣ Погонатѣ и при Львѣ Исаврѣ.—Главнѣйшая и двоякая цѣль АкаѦиста Божіей Матери по первоначальному синаксарю на основаніи его молитвы къ Богородицѣ. — Заключение: пѣснопѣніе и праздникъ АкаѦиста дѣло позднѣе VII и VIII вѣковъ. — Внутреннія указанія пѣснопѣнія на время происхожденія АкаѦиста Божіей Матери.

О происхожденіи пѣснопѣнія АкаѦиста упоминается, собственно говоря, въ одномъ только документальномъ текстѣ, который мы называемъ оригинальнымъ или первоначальнымъ сказаніемъ объ АкаѦистѣ. Оно довольно пространно; при внимательномъ же его чтеніи мы убѣждаемся въ томъ, что оно представляетъ собою оффиціальныи документъ константинопольской церкви, составленный по поводу великой опасности, внезапно постигшей городъ. Лишенные всякой надежды отъ людей и возможности самозащиты, народъ и духовенство прибѣгаютъ къ Богородицѣ и въ торжественномъ моленіи просятъ о ея немедленномъ заступничествѣ. Служба началась чтеніемъ текста во всеуслышаніе: онъ уяснялъ собравшимся причину, по которой предстояло имъ возносить моленіе, по окончаніи же его воспѣвалось теперь впервые пѣснопѣніе Богородицѣ, знаменитый АкаѦистъ. Разумѣется, что текстъ въ формѣ минейнаго сказанія не носилъ опредѣленнаго заглавія въ тотъ моментъ, когда онъ былъ прочитанъ въ храмѣ святой Софіи; разъясненіе причинъ настоящаго богослуженія не зависѣло отъ такого или иного заглавія; требовалось только ознакомленіе публики съ самимъ содержаніемъ текста. Впрочемъ извѣстно, что въ восточныхъ церквахъ житія святыхъ, или легендарныя сказанія, катехизическія бесѣды или синодальныя грамоты читаются безъ особаго заглавія. Напротивъ, опредѣленное заглавіе стало необходимымъ послѣ, когда уже общеизвѣстный текстъ АкаѦиста долженъ былъ вписаться въ

греческія четьи - минеи; дать же ему такое или иное заглавіе — вполне зависѣло отъ переписчиковъ. По этому чтеніе носить различныя заглавія въ различныхъ рукописяхъ, древнѣйшія изъ которыхъ относятся къ IX вѣку: такъ *Διήγησις ἀναγινωσκομένη εἰς τὴν Ἀκάθιστον* или *Λόγος ἀναγινωσκόμενος εἰς τὴν Ἀκάθιστον* и пр. Есть титулъ пространнѣй: «Полезное сказаніе, собранное изъ древнѣйшей исторіи и повѣствующее о странномъ чудѣ, происходившемъ тогда, когда Персы и Варвары окружили войною эту царицу (Константинополь) и погибли, наказанные божественною правдою; съ тѣхъ поръ городъ, сохранившійся неповрежденнымъ молитвами Богородицы, ежегодно воспѣваетъ благодарственное пѣснопѣніе и этотъ праздникъ называется Акаѳистомъ». (*Διήγησις ὠφέλιμος ἐκ παλαιᾶς ἱστορίας συλλεγεῖσα καὶ ἀνάμνησιν δηλοῦσα τοῦ παραδόξως γενομένου θαύματος, ἣν ἴκα Πέρσαι καὶ Βάρβαροι τὴν βασιλῖδα ταύτην πολέμῳ περιεκύκλωσαν, οἱ καὶ ἀπώλοντο θείας δίκης πειραθέντες, ἣ δὲ πόλις ἀσινῆς συντηρηθεῖσα πρεσβείαις τῆς Θεοτόκου ἐτησίως ἔκτοτε ᾄδει εὐχαριστήριον, ἀκάθιστον τὴν ἡμέραν κατονομάζουσα*¹⁾). Однако этотъ титулъ, вопреки своей обстоятельности, представляетъ громадную неточность. Самый текстъ повѣствованія упоминаетъ не только объ одномъ нашествіи — Персовъ и Варваровъ (или Аваровъ), но еще и о двухъ другихъ нашествіяхъ; слѣдовательно онъ былъ измышленъ самимъ каллиграфомъ и недостоверность его съ самаго начала выясняется самимъ текстомъ. Происхождение его легко объясняется простымъ соображеніемъ: авторъ титула увлекся тѣмъ, что повѣствователь подробно описываетъ нашествіе Аваровъ и Персовъ, посвящая ему первую и большую часть своего синаксаря; вслѣдствіе чего онъ далъ ему исключительное предпочтеніе. Между тѣмъ титулъ, случайно происшедшій, послѣдовательнымъ и частнымъ списываніемъ сказанія сталъ въ концѣ концовъ общимъ и законнымъ. Такимъ образомъ этотъ случайный и произвольный недосмотръ способствовалъ въ послѣдствіи возникновенію предубѣжденія будто Акаѳистъ Божіей Матери относится ко временамъ Ираклія и Сергія.

Однако неточность и полная несостоятельность вышеупомянутаго заглавія становятся яснѣе путемъ отрицательнымъ, — при внимательномъ разсмотрѣніи текстовъ, составленныхъ во времена Ираклія и Сергія. Первый изъ нихъ, содержащійся въ извѣстной Алексан-

1) Изданія Combefis, *Historia monothelitarum*. Parisiis 1648, стр. 805 — 826. I Migne, *Patroog. gr.*, т. 92, ст. 1353—1372.

дрійской или Пасхальной хроникѣ, представляетъ изложеніе аваро-персидской осады Константинополя въ 626 году. Осада города началась 29 іюля и кончилась 8 августа¹⁾. Но въ этомъ изложеніи вовсе не упоминается объ установленіи какого-нибудь переходящаго праздника АкаѦиста по поводу даннаго событія. Мало того, если бы Сергій при такихъ обстоятельствахъ составлялъ длиннѣйшее пѣснопѣніе АкаѦиста, хроника упоминала бы объ этомъ, разъ она сочла нужнымъ упомянуть о томъ, что Сергій составилъ и ввелъ въ чинѣ божественной литургіи какой-то кратчайшій тропарь²⁾. Оказывается, что эта Пасхальная хроника ничего не знаетъ о всеошномъ бдѣніи или о пѣснопѣніи АкаѦиста, точно такъ-же какъ и извѣстное стихотворное повѣствованіе Пизиды³⁾. Оба говорятъ просто, что снятіе аваро-персидской осады было слѣдствіемъ чудотворнаго дѣйствія Богородицы; она явилась какъ бы пробѣгающей по крѣпостнымъ стѣнамъ и «оттуда избивала и поражала враговъ». Что дѣйствительно въ это время были возношены патриархомъ Сергіемъ благодарственные моленія, объ этомъ насъ увѣряютъ позднѣйшіе хронографы, но въ какой формѣ они были составлены не упоминаютъ⁴⁾. Свои же свѣдѣнія они заимствуютъ изъ мемуаровъ литургическаго характера неизвѣстнаго писателя, но очевидца событій 626 года. Мемуары сохранились въ парижскомъ манускриптѣ X в. (Cod. Parisiensis, Suppl. 241); они носятъ такое заглавіе: «О взбѣшенномъ движеніи безбожныхъ Варваровъ и Персовъ противъ богохранимаго города и объ ихъ постыдномъ отступленіи благодаря челоуѣколюбію Бога ходатайствомъ Богородицы» (Περὶ τῆς τῶν ἀθέων Βαρβάρων καὶ Περσῶν κατὰ τῆς Θεοφυλάκτου ταύτης πόλεως μανιώδους κινήσεως καὶ τῆς φιλανθρωπίας τοῦ θεοῦ διὰ τῆς Θεοτόκου μετ' αἰσχύνης ἐκείνων ἀναχωρήσεως)⁵⁾. Въ римскомъ же списокѣ заглавіе таково: «О взбѣшенномъ движеніи безбожныхъ Аваровъ и Персовъ противъ Богохранимаго города и объ ихъ постыдномъ отступленіи благодаря челоуѣколюбію Бога ходатайствомъ Богородицы» (Περὶ τῶν ἀθέων Ἀβάρων τε καὶ Περσῶν κατὰ τῆς Θεοφυλάκτου πόλεως μανιώδους κινήσεως καὶ τῆς φιλανθρωπίας τοῦ θεοῦ διὰ τῆς

1) Du Cange, Πασχάλιον. Parisiis 1688, стр. 392—397.

2) Тамъ-же, стр. 390.

3) Тамъ-же стр. 392—397, и G. Pisidae, Expositio persica, стр. 64—65.

4) См. Nicephori opuscula historica, стр. 18 de Boor.

5) Catalogus cod. hag. graec. bibliothecae Nationalis Parisiensis. Bruxellis 1896, стр. 330.

Θεοτόκου μετ' αἰσχύνης ἀναχωρήσεως. Cod. Vatic. 1572)¹⁾. Третій списокъ, раньше хранившійся въ Эскуриалѣ, но дальнѣйшая судьба котораго теперь неизвѣстна, имѣетъ заглавіе: «Сказаніе, повѣствующее о взбѣшенномъ движеніи безбожныхъ Аваровъ и Персовъ противъ богохранимаго города и какъ онъ спасся челоѣколюбіемъ Бога, послѣ того какъ они ушли со стыдомъ» (Λόγος διαλαμβάνων περὶ τῆς τῶν ἀθέων Ἀβάρων καὶ Περσῶν κατὰ τῆς Θεοφυλάκτου πόλεως μανιώδους κινήσεως καὶ ὅπως φιλανθρωπία Θεοῦ ἐρρύσθη ἀναχωρησάντων αὐτῶν μετ' αἰσχύνης). Наконецъ текстъ этотъ является помѣщеннымъ въ церковныхъ книгахъ въ видѣ синаксаря спеціального праздника въ память происходившаго тогда чуда; содержаніе его относится къ осадѣ 626 года²⁾. Редакція эта, вслѣдствіе своего оффиціального характера и пространности, правда, могла бы обезпечить достовѣрность распространеннаго мнѣнія, но къ сожалѣнію ея повѣствованіе совсѣмъ не касается нашего вопроса и ни намека нѣтъ объ установленіи акаѣистнаго праздника. Тамъ просто говорится, что, послѣ снятія осады: «Патріархъ (Сергій) военачальникъ и множество народа, стоя при воротахъ (города), которыя мы называемъ Золотыми, какъ и есть, и видя дымъ и огонь варварскихъ орудій, воздѣвали руки къ небу и вопіяли со слезами благодаренія: Десница твоя, Господи, прославлена въ силѣ; десница твоя разбила враговъ, и величіемъ славы твоей сокрушилъ ты супостатовъ». (Ὁ ἱεράρχης καὶ ὁ στρατηγὸς καὶ πλῆθος τῆς πόλεως ἀξιόλογον ἑστῶτες πρὸ τῆς πύλης, ἦν Χρυσὴν καλοῦμεν ἀπὸ τοῦ πράγματος, καὶ τὸ πῦρ καὶ τὸν καπνὸν τῶν βαρβαρικῶν ὀργάνων θεώμενοι, τὰς χεῖρας ἀνατείναντες εἰς οὐρανοὺς ἐβόων δάκρυα προχέοντες χαριστήρια: Ἡ δεξιὰ σου, Κύριε, δεδόξασται ἐν ἰσχύϊ· ἡ δεξιὰ σου χεῖρ, Κύριε, ἔθραυσεν ἐχθρούς καὶ τῶ πλῆθει τῆς δόξης σου συνέτριψας τοὺς ὑπεναντίους). Еще эта редакція знаетъ, что: «Благочестивый іерархъ умерщвленіемъ плоти и боговдохновенной ревностью духа самъ себя приносить Богу въ жертву всесожженія; и не кровью тельцовъ и козловъ убѣждается онъ во спасеніи, но самъ приносить безкровную жертву спасенія во всечестномъ храмѣ Богородицы, въ Влахернахъ; всегда со всѣмъ народомъ празднуя, возсылаетъ моленія за избавленіе отъ бѣдствій и проситъ о вѣчной охранѣ города». (Ὁ ἱεράρχης ὁ τίμιος ἑαυτὸν διαπαντὸς προσάγων τῷ Θεῷ ὀλόκαυτον καλλιέρημα, τῇ τε νεκρώσει τοῦ σώματος

1) Catal. cod. hag. graec. bibliothecae Vaticanae. Bruxellis 1899, стр. 128.

2) Изданія: A. Mai, Nova Patrum bibliotheca, Romae 1852, t. 6, pars 2, стр. 423—437. Leo Sternbach, Analecta Avarica. Cracoviae 1900.

καὶ τῇ ἐνθέρῳ ζήσει τοῦ πνεύματος, οὐχ αἵματι ταύρων καὶ τράγων πορίζεται τὴν πρὸς τὸ μέλλον ἀσφάλειαν, ἀλλ' ἀναιμάκτους θυσίας σωτηρίου ἐν τῷ πανσέπτῳ ναῷ τῆς Θεοτόκου τῷ ἐν Βλαχέρναις ἀναφέρει, διαπαντός λιταῖς πανδήμοις τὴν τῶν κακῶν θριαμβεύων ἀπαλλαγὴν, ἀπόρθητον αἰτῶν τὴν πόλιν δι' αἰῶνος φυλάττεσθαι). За этими словами слѣдуетъ молитва къ пророку Исаиѣ о ходатайствѣ его предъ Богородицей: «чтобы она вѣчно спасала городъ и народъ, который, хотя грѣшенъ, однако всегда къ Богу и Богородицѣ прибѣгаетъ»¹⁾.

Безъ сомнѣнія здѣсь имѣется въ виду опредѣленный праздникъ, установленный самимъ Сергіемъ въ память освобожденія Константинополя отъ аваро-персидской осады. Дѣйствительно, такой праздникъ существуетъ 7 и 8 августа, какъ объ этомъ мы достовѣрно знаемъ изъ многочисленныхъ синаксарскихъ списковъ. Такъ въ древнѣйшемъ пергаментномъ синаксарѣ августа мѣсяца, хранящемся въ Вѣнской Придворной Библиотекѣ, содержатся свѣдѣнія о томъ, что 8 августа читали въ церквахъ: «Краткую исторію о нашествіи Персовъ и Аваровъ» во времена царя Ираклія (Ἱστορία σύντομος περὶ τῆς ἐλεύσεως τῶν Περσῶν καὶ Ἀβάρων)²⁾; исторія эта остается пока неизданной. Затѣмъ уставъ Константинопольской архіепископіи IX в., сохраняющійся въ плохомъ состояніи въ 266 патмосскомъ пергаментномъ манускриптѣ, опредѣляетъ: «Въ тотъ-же день (= 7 августа) память благочестивой нашей царицы во святыхъ апостолахъ Ирины; и литія бываетъ въ Влахернахъ противъ Варваровъ. И память о нашествіи Варваровъ, когда они молитвами пресвятой Богородицы потоплены были въ Рогатомъ Заливѣ». (Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνήμη τῆς ἐν εὐσεβείᾳ γενομένης ἡμῖν βασιλίσσης ἐν τοῖς Ἁγίοις Ἀποστόλοις Εἰρήνης· καὶ λιτή ἀπέρχεται ἐν Βλαχέρναις κατὰ τῶν Βαρβάρων. Καὶ μνήμη τῆς ἐλεύσεως τῶν Βαρβάρων, ὅτε διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς παναγίας Θεοτόκου ἐβυθίσθησαν ἐν τῷ Λάκκῳ). Еще въ другомъ позднѣйшемъ спискѣ мы читаемъ: «Память нашествія Аваровъ во времена царя Ираклія и патріарха Сергія» (Μνήμη τῆς ἐπελεύσεως τῶν Ἀβάρων κατὰ τοὺς καιροὺς Ἰρακλείου βασιλέως καὶ Σεργίου πατριάρχου³⁾). Въ временномъ уставѣ Константина Порфиророднаго говорится: «И память дарованной намъ сверхъ ожиданія и всякаго чаянія вѣрной помощи отъ

1) Изданіе Sternbach, стр. 16—17 и 24.

2) Lambecii Comment. liber VIII, стр. 119.

3) А. Дмитриевскій, Описаніе литургическихъ книгъ. Тупича. Кіевъ, 1895, т. I, стр. 101.

Христа и истиннаго Бога нашего противъ безбожныхъ враговъ, которые окружили насъ со всѣхъ сторонъ — съ суши и моря; когда безсѣменно зачавшая Пресвятая Владычица наша Богородица и Приснодѣва Марія ходатайствовала о спасеніи этого бохохранимаго города, во времена царя Ираклія; совершается же этотъ синаксъ въ Ея священномъ домѣ въ Влахернахъ». (Καὶ μνήμη τῆς ὑπὲρ λόγον καὶ πᾶσαν ἐλπίδα δωρηθείσης ἡμῖν τελείας βοηθείας παρὰ τοῦ Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ κατὰ τῶν πανταχόθεν διὰ τε γῆς καὶ θαλάσσης κυκλωσάντων ἡμᾶς ἀθέων ἐχθρῶν, μεσιτευσάσης τὴν σωτηρίαν τῇ Θεοφυλάκτῳ ταύτῃ πόλει καὶ βασιλίδι τῆς ἀσπόρους τεχούσης παναγίας δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας κατὰ τοὺς καιροὺς Ἑρακλείου βασιλέως· τελεῖται δὲ ἡ τῆς αὐτῆς σύναξις ἐν τῷ σεβασμίῳ αὐτῆς οἴκῳ τῷ ὄντι ἐν Βλαχέρναις) ¹⁾.

Изъ этихъ официальныхъ свидѣтельствъ довольно ясно, что Акаѳистъ и праздникъ похвалы Божіей Матери не имѣютъ ничего общаго съ осадю Констатинополя при Иракліѣ и Сергіѣ. А что касается до вопроса: почему съ древнѣйшихъ временъ всѣ вѣрили противоположному, мы можемъ только повторить и здѣсь данное нами выше объясненіе: первая ошибка лежитъ въ неточномъ заглавіи первоначальнаго синаксаря Акаѳиста. Со времени общепризнанная, она подкрѣплена въ послѣдствіи произвольнымъ истолкованіемъ того-же синаксаря со стороны Ксанеопула и другихъ его сократителей. Первоначальный синаксарь учитъ, что акаѳистный праздникъ имѣетъ причиною своего происхожденія осаду Константинополя, бывшую непременно послѣ царствованія Льва Исавра. По синаксаристу населеніе переживаетъ крайне тяжелыя минуты; въ своемъ безсиліи оно воспоминаетъ о древнихъ благодѣянiяхъ Богородицы, потому и воздаетъ ей всеобщее благодареніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно ходатайствуетъ о томъ, чтобы Богородица ниспослала свою помощь *и теперь, какъ раньше*, защитила и спасла городъ, что именно и послужило поводомъ къ установленію Акаѳиста. Синаксаристъ, разъясняя Акаѳистъ, упоминаетъ сначала о древнѣйшемъ чудѣ Богородицы при Сергіѣ и Иракліѣ. Прежде же чѣмъ перейти къ описанію *другихъ* осады и чуда, онъ говоритъ нѣсколько словъ о тогдашнемъ спасеніи города и заканчиваетъ словами: «*Въ воспоминаніе этого благодѣянiя мы совершаемъ на-*

1) Рукопись 40 собранія Св. Креста въ библиотекѣ Иерусалимской Патріархіи, листъ 199. Ср. Hipp. Delehaue, Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano. Bruxelles 1902, стр. 872—876.

стоящій ежегодный синаксъ и правимъ всенощную службу, принося Ей благодарственныя пѣсно-пѣнія» (ἢς τινος εὐεργεσίας εἰς ἀνάμνησιν τὴν παροῦσαν ἐτησίαν πανδημεὶ σύναξιν ποιοῦμεν καὶ παννύχιον ἄγομεν ἑορτὴν, εὐχαριστηρίους ᾠδὰς αὐτῇ προσφέροντες¹⁾). Необходимо замѣтить здѣсь, что слова эти, примѣняемые синаксаристомъ къ празднику, или лучше просто читаемые во время Акаѳиста, какъ и все предыдущее, заимствованы почти буквально изъ синаксаря 7 августа. Составитель первоначальнаго синаксаря Акаѳиста не только вичего здѣсь не прибавляетъ отъ себя, но онъ даже слова Акаѳиста не употребляетъ. Однако сократители синаксаря и особенно Ксанѳопуль, отъ котораго обыкновенно и научаемся касательно Акаѳиста, передѣляли его содержаніе по своему. Слова его: εὐχαριστηρίους ᾠδὰς (благодарственныя пѣнія) самъ произвольно Ксанѳопуль разъясняетъ словами ὕμνον καὶ ἀκάθιστον (пѣніе и Акаѳистъ); а въ подтвержденіе своей передѣлки онъ позволилъ себѣ передѣлку и самаго текста такимъ образомъ: «И такъ, съ тѣхъ поръ, въ память столь великаго и сверхъестественнаго чуда, передано церкви посвящать этотъ праздникъ божіей матери въ этотъ день, когда и былъ воздвигнутъ трофѣй ея побѣды; назвали же его (т. е. праздникъ) Акаѳистомъ (несъдальнымъ) потому, что тогда (т. е. при Сергіѣ и Иракліѣ) такъ и поступали всѣ (т. е. не сидѣли) — народъ и духовенство города». (Ἐχτοτε οὖν εἰς μνηρίαν τοῦ τοσοῦτου καὶ ὑπερφυοῦς θαύματος ἢ Ἐκκλησία τὴν τοιαύτην ἑορτὴν παρέλαβε τῇ μητρὶ ἀνατιθέναι τοῦ θεοῦ τῷ παρόντι καιρῷ, ὅτε καὶ τὸ τροπαιον τῇ θεομήτορι γέγονεν· ἀκάθιστον δὲ ὠνόμασαν διὰ τὸ τότε οὕτω πράξαι τὸν τῆς πόλεως κληρὸν τε καὶ λαὸν ἅπαντα)²⁾). Благодаря такой произвольной и по времени позднѣйшей интерпретаціи, укрѣплено мнѣніе, о которомъ мы говоримъ. Однако фальсификаторовъ можно поймать на ихъ собственныхъ ошибкахъ и противорѣчіяхъ. Ксанѳопуль, хотя въ началѣ рассказываетъ о чудѣ при Сергіѣ, исключительно къ нему примѣняя Акаѳистъ, въ послѣдствіи, забывшись, упоминаетъ о другомъ чудѣ при Константиנѣ Погонатѣ, о третьемъ при Львѣ Исаврѣ непосредственно прибавляя: «И такъ по причинѣ всѣхъ этихъ сверхъестественныхъ чудесъ всечистой Богоматери, мы празднуемъ въ этотъ день; называется же этотъ праздникъ Акаѳистомъ потому, что

1) Migne, т. 92, ст. 1364.

2) Тамъ-же, ст. 1352.

тогда весь народъ воспѣвалъ пѣснопѣніе матери Слова въ ту ночь, стоя на ногахъ; и мы, хотя при пѣніи встѣхъ другихъ икосовъ обыкновенно сидимъ, во время пѣнія икосовъ Богоматери встѣ слушаемъ стоя». (Διά ταῦτα τοίνυν ἅπαντα τὰ ὑπερφυῆ θαυμάσια τῆς πανάγνου καὶ Θεομήτορος τὴν παροῦσαν ἑορτὴν ἑορτάζομεν· ἀκάδιτος δὲ ὀνομάζεται, διότι ὀρθοστάδην τότε πᾶς ὁ λαὸς κατὰ τὴν νύκτα ἐκείνην τὸν ὕμνον τῆ τοῦ Λόγου μητρὶ ἔμελψαν, καὶ ὅτι ἐν πᾶσι τοῖς ἄλλοις οἴκοις καθῆσθαι ἐξ ἔθους ἔχοντες ἐν τοῖς παροῦσι τῆς Θεομήτορος ὀρθοὶ πάντες ἀκροώμεθα). Говоря это, сократитель обнаруживаетъ явный самосбманъ; въ заключеніе получается, что нашъ Акаѳистъ не составленъ при Сергіѣ и Иракліѣ, какъ онъ самъ говоритъ выше, но при Львѣ Исаврѣ. Но и это тоже невѣрно, потому что первоначальный текстъ относитъ составленіе Акаѳиста ко времени позднѣйшему Льва Исавра. Пока ограничиваясь этимъ общимъ замѣчаніемъ, переходимъ къ прямому опроверженію двухъ другихъ предубѣжденій.

По первому изъ нихъ всенощная служба Акаѳиста и его пѣснопѣніе относится ко временамъ Константина Погоната. Мнѣніе опирается на такъ называемую лѣтопись монаха Георгія. И здѣсь, какъ мы уже упомянули, исключительную роль играетъ произволь одного изъ исправителей хроники, пожелавшаго представить ее въ болѣе совершенномъ видѣ различными прибавками и дополненіями. Съ этою цѣлью онъ заимствуетъ изъ различныхъ источниковъ всякіе эпизоды, относящіеся ко временамъ многихъ царей, которые и помѣщаетъ въ своей хроникѣ почти дословно. Въ данномъ вопросѣ, хотя самое событіе объ опасности, когда-то угрожавшей городу, онъ беретъ буквально изъ первоначальнаго синаксаря Акаѳиста, однако онъ съ своей стороны вставляетъ слѣдующее: «...когда и составлены Акаѳистъ и кондакъ пресвятой Богородицѣ» (Τῆ ὑπερμάχῳ, στρατηγῶ, Πρόσταγμα χριστιανῶν καὶ Πρεσβείᾳ θερμῆ)¹⁾. Но подобная вставка опровергается самымъ синаксаристомъ, это разъ; а во-вторыхъ снятіе осады при Константиנѣ Погонатѣ воспоминается 25 іюня, на что указываютъ всѣ константинопольскіе древніе типики Великой Церкви. Уставъ при Константинѣ VII Багрянородномъ опредѣляетъ: «Въ тотъ-же день (25 іюня) празднуется память помощи, дарованной намъ сверхъ слова и всякаго чаянія отъ Великаго Бога и спасителя нашего Іисуса Христа, молитвами безсѣменно зачавшей всесвятой Владычицы нашей Богородицы и Присно-

1) Γεωργίου χρονιόν, стр. 611—612. Ср. Синаксаря Акаѳиста у Migne, т. 92, ст. 1364.

дѣвы Маріи противъ безбожныхъ Сарациновъ, окружавшихъ нашъ Царьградъ съ суши и моря» (Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἀνάμνησις τελεῖται τῆς ὑπὲρ λόγον καὶ πᾶσαν ἐλπίδα δωρηθείσης βοηθείας παρὰ τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς ἀσπύρωσ αὐτὸν τεκούσης παναγίας καὶ δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας κατὰ τῶν διὰ γῆς τε καὶ θαλάσσης κυκλωσάντων τὴν καθ' ἡμᾶς βασιλίδα πόλιν ἀθέων Σαρακηνῶν) ¹⁾.

Другіе, ссылаясь на краткій синаксарь, утверждаютъ, что праздникъ Акаѳиста установленъ былъ по поводу спасенія города при Львѣ Исаврѣ и патріархѣ Германѣ. Достаточно вспомнить 16 августа, когда специально празднуется это событіе. Такъ, на примѣръ, Константинопольскій церковный уставъ при Константинѣ Багрянородномъ опредѣляетъ: «Въ тотъ-же день (16 августа) воспоминаніе великаго и непреодолимаго челоѣколюбія Бога нашего, силою котораго и молитвами Его всенепорочной матери Онъ погубилъ и разсѣялъ нашедшую толпу Агарянъ во времена Льва Исавра, иначе Конона, когда они съ суши и моря окружили этотъ великій городъ; они подверглись раззоренію въ день памяти ея святаго Успенія (15 августа), когда и наступили. Въ тотъ же періодъ года празднуется память постигшей насъ въ древнія времена страшной грозы землетрясенія, отъ которой сверхъ всякаго чаянія избавилъ насъ челоѣколюбивый Богъ». (Μηνὶ τῷ αὐτῷ ἰς' ἣ ἀνάμνησις τῆς περὶ ἡμᾶς μεγάλης καὶ ἀνυπερβλήτου τοῦ Θεοῦ ἡμῶν φιλανθρωπίας, δι' ἣν τὰ ἐπελθόντα τῶν Ἀγαρηνῶν πλήθη κατὰ τοὺς χρόνους Λέοντος τοῦ Ἰσαύρου, τοῦ καὶ Κόνωνος, κυκλώσαντα τὴν μεγάλην ταύτην πόλιν διὰ τε γῆς καὶ θαλάσσης πρεσβείαις τῆς παναχράντου αὐτοῦ μητρὸς ἀπώλεσε καὶ διέφθειρε· τὴν δὲ πανωλεθρίαν ἐδέξαντο κατὰ τὴν μνήμην τῆς τιμίας αὐτῆς μεταστάσεως, ἐν ἣ καὶ ἐπῆλθον· ἐν δὲ τῇ τοιαύτῃ περιόδῳ τοῦ ἔτους τελεῖται μνήμη τῆς μετὰ οἰκτιρμῶν ἐπενεχθείσης ἡμῖν ἐν τοῖς πάλαι χρόνοις φοβερᾶς ἀπειλῆς τοῦ σεισμοῦ, ἧς παρ' ἐλπίδα πᾶσαν ἐλυτρώσατο ἡμᾶς ὁ φιλόανθρωπος Θεός).

Такимъ образомъ, съ устраненіемъ предразсудковъ становится яснымъ, что чудеса Богородицы при Иракліѣ, Константинѣ Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ возникновенію Акаѳиста. Цѣль этого двоякая: съ одной стороны — воздать бла-

1) Рукопись 40 Иерусалимскаго монастыря Св. Креста, листъ 173. Ср. *Hir. Delehaye, Synaxarium*, стр. 772.

2) Рукопись 40 Св. Креста, л. 203. Ср. *Delehaye* тамъ-же, стр. 901—904.

годареніе Богородицѣ за ея прежнее покровительство, съ другой — испросить сызнова ея милосердное вниманіе къ городу, которому угрожаетъ опасность. Древнія чудеса при Иракліѣ, Погонатѣ и Львѣ перечисляются въ доказательство того, что городъ дѣйствительно пользуется покровительствомъ Богородицы; за это именно и подobaетъ, чтобы всѣ единогласно восхваляли, благодарили и воспѣвали Ее. Однако истинное настроеніе слушателей къ подобному благодарственному моленію требуетъ, прежде всего, нравственную чистоту и добродѣтельную жизнь. «Вѣрно», говоритъ синаксаристъ, «что мы должны въ дѣлахъ нашихъ приносить благодареніе Богоматери потому, что Ей, какъ и Ея сыну, такая именно благодарность болѣе пріятна, чѣмъ самыя мелодичныя пѣснопѣнія, исполненныя на флейтахъ или органѣ» (τὴν δι' ἔργων εὐχαριστίαν προσάγειν τῇ Θεομήτορι ταύτῃ γὰρ ἤδεται μᾶλλον αὐτῇ τε καὶ ὁ ταύτης υἱός, ἤπερ αὐλῶν ἢ ὀργάνων μουσικωτάταις ᾠδαῖς). Но такъ какъ природа человѣка слаба, и умъ его непонятливъ, слѣдовательно оба эти и то и другое: «благодаряетъ нашей нерѣшительности въ трудахъ добродѣтели и тому, что мы прикасаемся мало къ ней, какъ бы концемъ перста, и вслѣдствіе этого много намъ недостаетъ для возданія благодарности, то возблагодаримъ Ее (Богородицу) хотя бы голыми словами» (ἀποκνεῖν ἡμᾶς πρὸς τὸ τῆς ἀρετῆς ἐπίπονον ποιεῖ καὶ βραχέα ταύτης ἀπτόμεθα καὶ ὅσῳ εἰπεῖν ἄκρω δακτύλῳ, καὶ διὰ τοῦτο πρὸς τὴν ἔκτισιν τῆς εὐχαριστίας ἐνδεῶς ἔχομεν, καὶ τὴν διὰ ῥημάτων ψιλῶν εἰσενέγκωμεν). Далѣе, обращаясь къ Богородицѣ, ораторъ восклицаетъ съ амвона: *«Мы громко поемъ твои чудеса; прославляемъ попеченіе; провидѣніе величимо; покровительство воспѣваемъ; помощь восхваляемъ; милосердіе славословимъ; воспоминаю твои прежнія дарованія и отъ сколькихъ опасностей мы избавлены тобою, настоящее благодарственное пѣнопѣніе мы возносимъ къ тебѣ (хотя) недостойное твоихъ благодарнѣннй (ибо и что могла бы быть ихъ достойнымъ?—однако пріятны тебѣ твоихъ чадъ лепетанья)»* ("Ἄδομεν μεγαλοφώνως τὰ σὰ θαυμάσια τὴν κηδεμονίαν δοξάζομεν τὴν πρόνοιαν μεγαλύνομεν τὴν προστασίαν ὑμνοῦμεν τὴν βοήθειαν ἐκθειάζομεν τὴν εὐσπλαγγνίαν δοξολογοῦμεν καὶ ἐπὶ μὲν τοῖς παρελθούσι μεμνημένοι τῶν σῶν δωρεῶν καὶ ἐξ ὅσων κινδύνων ἐρρυθθημεν διὰ σοῦ, ταύτην σοὶ τὴν εὐχαριστήριον ᾠδὴν ὡς χρέος προσάγομεν, οὐκ ἀντάξιον μὲν οὖσαν ταῖς σαῖς εὐεργεσίαις τί γὰρ ἂν καὶ εἴη τούτων ἀντάξιον; πλὴν φίλα σοὶ τὰ τῶν σῶν παιδῶν φελίσματα); *«по случаю же настоящихъ (бѣдствій) и прискорбныхъ (обстоятельствъ) испраши-*

ваемъ твою быстрѣйшую помощь) (ἐπί δὲ τοῖς ἐνεστῶσι καὶ λυποῦσιν ἡμᾶς παρακαλοῦμεν τὴν σὴν ὀξυτάτην βοήθειαν).

Такимъ образомъ мы вынуждены полагать, что именно настоящее положеніе вещей вызываетъ у жителей воспоминаніе о прежнихъ благодѣяніяхъ Богородицы, т. е. при Иракліѣ, Константинѣ Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ. При этомъ логическая связь испрашиванія «быстрѣйшей помощи» съ упоминаніемъ предшествующихъ благодѣній абсолютно требуетъ, чтобы подъ λυποῦντα мы подразумѣвали четвертую осаду; и хотя въ самой молитвѣ не встрѣчается слова осада, однако оно не только звучитъ въ перифразѣ: ἐνεστῶσι καὶ λυποῦσιν ἡμᾶς, но и въ концѣ молитвы тѣ же самыя настоящія бѣды прямо называются трепетомъ, битвами, войнами. Обратимъ наше вниманіе на молитву: «Молимся о твоёмъ заступничествѣ: отжени отъ насъ препятствія; разсѣй давящія насъ тучу и мрачную ночь, подъ вліяніемъ которыхъ враждебно кидаемся другъ на друга, какъ въ ночномъ сраженіи, или, лучше сказать, какъ бѣшеные сами свои тѣла раздираемъ и не знаемъ родственниковъ, и не познаемъ своихъ соплеменниковъ; и на это осмѣливаемся — кто? мы, которые удостоены того-же крещенія, той-же церкви, тѣхъ-же таинствъ, чтобы не болѣе распространяться». (Δεόμεθα τῆς σῆς ἀντιλήψεως· λῦσαι τὰ ἐν τῷ μέσῳ προσκόμματα· διασκέδασαι τὴν ἐπέχουσαν ἡμᾶς νεφέλην τε καὶ σκοτόμαιναν, ὅφ' ἣς ὡσπερ ἐν νυκτομαχίᾳ βάλλομέν τε καὶ βαλλόμεθα, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ὡσπερ οἱ μαινόμενοι τῶν ἰδίων σαρκῶν ἀπτόμεθα καὶ ἀγνοοῦμεν τοὺς συγγενεῖς καὶ τὸ ὁμόφυλον οὐκ ἐπιγινώσκομεν· καὶ ταῦτα τολμῶμεν τίνες; οἱ τοῦ αὐτοῦ βαπτίσματος, τῆς μιᾶς Ἐκκλησίας, τῶν αὐτῶν μυστηρίων ἠξιοῦμενοι, ἵνα μὴ λόγον ἀποτείνωμεν μακρόν).

Значитъ, Константинопольское населеніе находилось не только въ осадномъ положеніи, но и въ междоусобной войнѣ, на причины которой авторъ молитвы не указываетъ, но обращается опять къ Богородицѣ: «Поэтому умоляемъ твое милосердіе: сжался надъ твоимъ народомъ и достояніемъ твоимъ и будь ходатайцей передъ рожденнымъ изъ тебя Богомъ нашимъ; *помоги намъ находящимся въ краю опасности и избави насъ отъ невыносимыхъ бѣдствій*. Ты видишь, о Владычица, какія бѣды разлиты вокругъ насъ; и такъ встань и не отвергни насъ окончательно. Зачѣмъ Ты отворачиваешь лице Твое и забываешь нашу бѣдность? *Уничтожи предстоящія трепеты и устрашенія, устрани раздорныя столкновенія, прекрати сраженія и войны; утимиши надвигающіеся на насъ гнѣвъ божій и разореніе; усмири вну-*

τρηνιέ бунты и смятенія и подари Твоимъ рабамъ миръ и тишину, чтобы мы, прибавивши настоящее ко многимъ твоимъ благодѣянiямъ, во всякое время провозглашали Твои чудесныя (дѣла)». (Διὰ τοῦτο ἰκετεύομεν τὴν σὴν εὐσπλαγχνίαν οἶκτον λαβεῖν τοῦ σοῦ λαοῦ καὶ τῆς κληρονομίας σου, καὶ στῆναι πρέσβιν πρὸς τὸν ἐκ σοῦ τεχθέντα Θεὸν ἡμῶν, καὶ βοηθῆσαι μὲν ἡμῖν τὰ ἔσχατα κινδυνεύουσιν, ἐξελεῖσθαι δὲ ἡμᾶς συμφορῶν ἀνηκέστων. Ὁρᾶς, ὅσοις, ὦ δέσποινα, κακοῖς περιαντλούμεθα. Ἄναστηθι οὖν καὶ μὴ ἀπόσῃ εἰς τέλος. Ἵνα τί τὸ πρόσωπόν σου ἀποστρέφεις καὶ ἐπιλανθάνεις τῆς πτωχείας ἡμῶν; Διάλυσον τοὺς ἐπικειμένους φόβους καὶ τρόμους· ἄνελε τὰς φιλονείκους ἐνστάσεις· παῦσον τὰς μάχας καὶ τοὺς πολέμους· κόπασον τὴν καθ' ἡμῶν κινηθεῖσαν ὀργὴν τοῦ Θεοῦ καὶ θραῦσιν· καταπράυνον τὰς ἐν τῷ μέσῳ στάσεις καὶ παραχὰς καὶ γαλήνην καὶ εἰρήνην βράβευσον τοῖς οἰκέταις σου, ἵνα ταῖς πολλαῖς εὐεργεσίαις προστεθείσης καὶ ταύτης ἀνακηρύττωμεν διὰ παντός τὰ σὰ τεράστια).

Такимъ образомъ содержанiемъ молитвы синаксариста наглядно объясняется главная цѣль Акаѳиста. Онъ долженъ былъ, какъ мы уже говорили раньше, опредѣлить и оправдать исключительное собранiе и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣляхъ всеобщаго благодаренiя, представить слушателямъ форму всенароднаго обращенiя къ Богородицѣ. Синаксарь изданъ въ то время, когда уже преобладали съ одной стороны бунты и беспорядки внутри, съ другой — страхъ, ужасъ, войны и битвы съ нашествiемъ извнѣ и осадой города. Составитель молитвы — очевидецъ свидѣтель; его синаксарское повѣствованiе вмѣстѣ съ молитвою произнесены были въ ту самую ночь, въ которую отслужено было первое всеобщее бдѣнiе Акаѳиста; оба составляютъ официальный документъ Константинопольской архіепископiи. Дальше говорящiй даетъ народу наставленiе о ежегодномъ совершениі акаѳистнаго богослуженiя въ знакъ вѣчной благодарности и заканчиваетъ такъ: «Однако дошедшіе до этого и паруса опустившіе слова мы подплыли къ невозмутимой пристани молчанiя; и здѣсь мы опять напоминаемъ собраннiемъ, что не слѣдуетъ, чтобы мы оказались неблагодарными владычицѣ нашей и благодѣтельницамъ и, на дѣлѣ облагодѣтельствованныя, стали медлить приносить словесное благодаренiе; впрочемъ этимъ мы самимъ себѣ пользу заготовляемъ. Ибо, если мы будемъ благодарны за настоящiя (блага), мы приобретаемъ большое дерзновенiе для будущаго и способимся неизрѣченныхъ благъ». (Ἄλλ' ἐνταῦθα γενόμενοι καὶ τὰ ἱστία τοῦ λόγου χαλάσαντες, εἰς τὸν ἀσφαλῆ τῆς σιωπῆς ὠρμήσαμεν λιμένα, ἐκεῖνο πάλιν τοὺς συνειλεγμένους ἀνα-

μνήσαντες, μὴ ἀγνώμονας φανῆναι πρὸς τὴν εὐεργέτιν καὶ δέσποιναν, μηδὲ διὰ τῶν ἔργων εὐεργετούμενους ὀκνεῖν τὴν διὰ τῶν λόγων εὐχαριστίαν προσφέρειν· καὶ γὰρ πάλιν εἰς ἡμᾶς τὸ κέρδος ἐπάνεισιν· ἐὰν γὰρ ἐπὶ τοῖς φθάσασιν εὐχάριστοι γενώμεθα, μεγάλην ἑαυτοῖς πρὸς τὰ μέλλοντα εὐτρεπίσομεν παρρησίαν καὶ τῶν ἀπορρήτων ἀγαθῶν ἐπιτύχωμεν¹⁾).

Изъ анализа этого официальнаго синаксаря, къ которому частью невнимательно относились, или совершенно его игнорировали занимавшіеся вопросомъ объ Акаѳистѣ Божіей Матери, получается слѣдующее общее заключеніе: во-первыхъ, Акаѳистъ не имѣетъ своей цѣлью благодарить Богоматерь за снятіе исключительно *одной опредѣленной осады*, но за три прежнія чудесныя благодѣянія; во-вторыхъ, константинопольское населеніе восхваляетъ Богородицу за прошлое и молится о спасеніи города *отъ настоящей осады*, которая по свидѣтельству самого синаксариста происходитъ послѣ Льва Исавра. Слѣдовательно пѣснопѣніе Акаѳиста и праздникъ похвалы Божіей Матери дѣло позднѣе VII и VIII вѣковъ.

Приступая теперь къ общему разсмотрѣнію самаго Акаѳиста Божіей Матери, мы прежде всего замѣчаемъ, что онъ научаетъ насъ тому же самому, чему и синаксарь. Нѣкоторые думали почерпнуть изъ самаго пѣснопѣнія Акаѳиста указанія на опредѣленіе времени его составленія. Однако они не искали ихъ тамъ, гдѣ дѣйствительно они находятся. Изъ третьей, на примѣръ, строфы попытались вывести доказательство въ подтвержденіе мнѣнія, что пѣснопѣніе составлено при патріархѣ Сергіѣ ошибочнымъ истолкованіемъ стиха: «*Радуйся, поклоненіе огню прекратившая*» (ст. 116). Въ дѣйствительности фраза эта не имѣетъ въ виду Персовъ, побѣжденныхъ Иракліемъ, но уничтоженіе огнепоклонства. Съ такими словами обратились къ Богородицѣ волхвы, прибывшіе въ Виѳлеемъ изъ Персіи; они восхваляли рожденіе богочеловѣка, религія котораго должна была прекратить персидскую пиролатрію. Въ ст. 112: «*Радуйся, извершая мучителя челоуѣчнаго изъ начальства*» видѣли Фоку, тираннически царствовавшего до Ираклія, между тѣмъ здѣсь въ богословскомъ смыслѣ разумѣется, что съ пришествіемъ Христа уничтожена въ мірѣ тиранническая власть діавола надъ варварскимъ язычествомъ, пиролатріей и идолопоклонствомъ. Икосы Акаѳиста Божіей Матери рѣшительно ничего не говорятъ относительно времени его происхожденія; это скорѣе можно

1) Migne, т. 92, ст. 1372.

найти въ кондакѣ: онъ, въ качествѣ вступленія, вмѣстѣ съ эпилогомъ находится въ полной гармоніи съ оригинальнымъ синаксаремъ Акаѣиста. По кондаку городъ, «какъ избавленный отъ бѣдъ», которыя постигли его при Иракліѣ, Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ, возноситъ къ Богородицѣ, своей «военачальницѣ», пѣсни *«побѣдныя и благодарственныя»*. Въ томъ-же самомъ кондакѣ, непосредственно послѣ благодаренія, городъ проситъ Богородицу, «какъ имѣющую державу непреоборимую, *освободить его отъ всякихъ напастей»*, гдѣ и разумѣются современныя опасности. Такимъ образомъ двоякая цѣль праздника похвалы Божіей Матери, различаемая въ синаксарѣ, явна и въ самомъ кондакѣ, хотя въ краткихъ выраженіяхъ: такъ первая его половина разъясняетъ первую половину синаксаря: воздается благодарность за освобожденіе города отъ прежнихъ опасностей; другая же половина разъясняетъ вторую цѣль синаксаря: общее моленіе объ избавленіи города *ἐκ παντοίων κινδύων*, которыя будутъ не что иное, какъ страхи, трепеты, смятенія, битвы и войны синаксаря. Тоже самое тягостное положеніе рисуется и въ эпилогѣ пѣснопѣнія: *«О всепѣтая Матерь, родившая святѣйшее всѣхъ святыхъ слово! Принявъ нынѣшнее приношеніе, избавь отъ всякой бѣды всѣхъ, и спаси отъ будущаго мученія»*.

III.

Четвертая осада Константинополя при царѣ Михаилѣ III и патріархѣ Фотіѣ отъ Руси (860 годъ).—Историческія свидѣтельства о ней.—Точная характеристика событія въ двухъ бесѣдахъ патріарха Фотія: *εἰς τὴν ἑφοδὸν τῶν Ῥώσ.*—Содержаніе первой бесѣды.—Взаимное сходство Акаѣиста, первоначальнаго синаксаря и первой бесѣды патріарха въ существенныхъ чертахъ. Общее заключеніе: установленіе Акаѣиста не имѣетъ въ виду одной опредѣленной осады города.—Переходность праздника похвалы Божіей Матери и его принадлежность постному періоду въ связи съ его происхожденіемъ при патріархѣ Фотіѣ.

Такъ какъ самое пѣснопѣніе Акаѣиста Божіей Матери гармонируетъ по духу съ первоначальнымъ синаксаремъ, пора намъ опредѣлить время, какъ установленія праздника, такъ и составленія самаго пѣснопѣнія Акаѣиста. Прежде всего: былъ ли другой какой-нибудь случай, когда Константинополь подвергался «различнымъ опасностямъ», подобнымъ какъ при Иракліѣ, Константинѣ Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ? Если справиться въ хроникахъ, то узнаемъ, что нехристіанская и варварская осада позднѣйшая эпохи Льва, но и наиболѣе грозная и опасная происходила въ 860 г. отъ нашествія на Констан-

тинополь пока нехристианизованныхъ Руси (Ρώς). Хотя хронографы и описываютъ намъ случившееся при осадѣ чудо Богородицы, однако разъ возникшее и постепенно укоренившееся извращеніе истины побудило историковъ не ставить этой осады въ связь съ вопросомъ объ Акаѳистѣ.

Время нашествія Руси точно опредѣляетъ найденная въ Брюсселѣ Σύνοψις χρονική слѣдующими словами: «Μιχαήλ, υἱὸς Θεοφίλου, σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ Θεοδώρᾳ ἔτη δ' καὶ μόνος ἔτη ι', καὶ σὺν Βασιλείῳ ἔτος ἓν, μῆνας δ'. Ἐπὶ τῆς αὐτοῦ βασιλείας μηνὶ ἰουνίῳ ἡ' <ινδ.> ἡ', ἔτους ςτξή', τῷ ε' ἔτει τῆς ἐπικρατείας αὐτοῦ ἦλθον Ῥώς σὺν ναυσὶ διακροσῖαις, οἱ διὰ πρεσβειῶν τῆς πανυμνήτου Θεοτόκου κατεχυριεύθησαν ὑπὸ τῶν χριστιανῶν καὶ κατὰ κράτος ἠττήθησαν τε καὶ ἠφανίσθησαν»¹⁾. Продолжатель хроники Теофана, имѣя въ виду тотъ-же самый 860 годъ, пишетъ: «Съ этихъ поръ угнетало Ромэевъ нашествіе Руси (народъ же они скиескій, дикій и грубый), который сожигалъ Понтъ и Черное море и самый Городъ окружалъ во время, когда Михаилъ отправился въ походъ противъ Исмаилитовъ; но они, подвергшись гнѣву Божию, возвратились къ себѣ, какъ только Фотій, управляющій церковью, умилиствовалъ Бога. Немного времени спустя посольство ихъ прибыло въ Царьградъ съ просьбою сдѣлать ихъ (Русь) участниками въ святомъ крещеніи, что и было исполнено». (Ἐντεῦθεν γοῦν τὰ μὲν τῶν Ῥωμαίων ἢ τῶν Ῥώς ἐκάκου ἐπιδρομῇ (ἔθνος δὲ οὗτοι Σχυδικόν, ἀνήμερόν τε καὶ ἄγροικόν) τόν τε Πόντον αὐτόν, οὐ μὴν καὶ τὸν Εὐξείνιον, κατεπίμπρα καὶ αὐτὴν τὴν Πόλιν περιεστοίχιζεν, τῆνικαῦτα τοῦ Μιχαήλ κατὰ Ἰσμαηλιτῶν ἐκστρατεύοντος· πλὴν ἀλλ' ἐκεῖνοι μὲν τότε θείας ἐμφορηθέντες ὀργῆς, Φωτίου τὸ θεῖον ἐξιλεωσαμένου, τοῦ τῆς Ἐκκλησίας τὰς οἰακὰς ἔχοντος, οἴκαδε ἐκπεπόρευντο· καὶ μετ' οὐ πολὺ πάλιν τὴν βασιλεύουσαν πρεσβεῖα αὐτῶν κατελάμβανεν τοῦ θεοῦ βαπτίσματος ἐν μετοχῇ γενέσθαι αὐτοὺς λιτανεύουσα· ὃ καὶ γέγονεν)²⁾. Тотъ-же самый фактъ въ хроникѣ псевдо-Симеона магистра изложенъ такъ: «Въ 10-омъ году его (Михаила) Русь, забравъ-

1) F. Cumont, Anecdota Bruxellensia I. Gand 1894, стр. 33.

2) Theophanes continuatus, стр. 196. Ср. Cedren., т. 2, стр. 173 Bonn. Zonarae epit. historiarum, т. 4, стр. 15 Dind.

Фотія: по случаю нашествія Руси, εἰς τὴν ἔφοδον τῶν Ῥώσ 1). Внимательное ихъ чтеніе и сопоставленіе съ Акаѳистомъ и съ синаксари-стомъ раскрываютъ передъ нами поразительное сходство между собою этихъ трехъ текстовъ по содержанію. Содержаніе первой бесѣды, произнесенной въ храмѣ святой Софіи, можетъ служить подлиннымъ объясненіемъ λυποῦντα = «горестныхъ событій» синаксариста — несчастій, смуть, страха, трепета или тѣхъ-же παντοῖα δεινὰ = «различныхъ бѣдствій», на которыя указываетъ кондакъ Акаѳиста. Патриархъ послѣ чтенія синаксаря, которымъ и была разъяснена цѣль предстоящаго богослуженія, начинаетъ говорить уже перепуганнымъ слушателямъ: «Что это? что за гнѣвъ и ударъ тяжелый и грозный? Откуда упалъ на насъ этотъ далекій сѣверный и страшный громъ, какія сгущенныя тучи страстей и какихъ судебъ мощныя тренія выдавили противъ насъ эту невыносимую молнію? Откуда нахлынуло это варварское густое и сплошное море?» 2). Нашествіе происходитъ въ іюнь мѣсяцѣ потому, что уже стебли пшеницы и ея колосья поспѣли, а на виноградныхъ вѣтвяхъ еще были незрѣлые плоды. Тяготѣющія надъ населеніемъ страданія — неизбежное слѣдствіе божественнаго гнѣва. *«Мы избавлялись отъ бѣдъ, которымъ часто подвергались; надлежало бы благодарить, но мы не отблагодарили; спасались, но оставались безпечными; получали защиту, но оказывались невнимательными; за что и слѣдовало потерпѣть наказаніе... Тѣхъ, которые должны были намъ нѣчто малое, самое ничтожное, мы жестоко истязали, наказывали. Не вспоминали о благодарности по минованіи благодѣянія, и за то, что сами получали прощеніе, не миновали ближнихъ, но какъ только освобождались отъ угрожавшихъ намъ ужасовъ и опасностей, становились отъ этого гораздо суровѣе; не думали о множествѣ и величій собственныхъ долговъ и прощеніи ихъ спасителемъ и не обращали вниманія на маловажность и незначительность, въ сравненіи съ нашими долгами, одинаковыхъ съ нами рабовъ, но получая себѣ человѣколюбивое прощеніе многого и великаго, другихъ за малое безчеловѣчно ввергали въ рабство. Сами радовались, (другихъ) печалили; прославлялись, безчестили; укрѣплялись и благодуше-*

1) Бесѣды Фотія по случаю нашествія Руси изданы въ слѣдующихъ книгахъ: Порфирія Успенскаго, Четыре бесѣды Фотія. СПб. 1864. Carol. Müller, Fragmenta histor. graecorum. Parisiis 1883, т. 5², стр. 162—173. Nauck, Lexicon Vindobonense. Petropoli 1867, стр. 201—232. Φωτίου λόγοι καὶ ὁμιλίαι, изд. Σ. Ἀριστάρχου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει: 1901, т. 2, стр. 5—57.

2) Nauck, стр. 201. Müller, стр. 162. Ἀριστάρχου, стр. 5—6.

ствоваши, обижали, безумствовали»¹⁾. Они, неоднократно облагодѣтельствованные Богомъ, никогда не воздавали надлежащаго благодаренія жизнью трезвою и человѣколюбивою; безнравственность ихъ—причина настоящаго безвыходнаго положенія; осада—божественное наказаніе. Горькіе упреки патріарха сильно дѣйствуютъ на душевное настроеніе слушателей. Каждый начинаетъ сознавать въ себѣ ихъ справедливость, всѣ заливаются слезами и рыдая обѣщаютъ пастырю исправленіе своей нравственной жизни. Самъ говорящій не можетъ удержаться отъ слёзъ. «Но послушайте... И я плачу вмѣстѣ съ вами; но малыя капли не угашаютъ пламени, долго разговариваюся,—что я говорю? Напротивъ даже болѣе разжигаютъ его!—и случайная слеза не можетъ умиливать гнѣва Божія, воспламененнаго нашими грѣхами. И я плачу вмѣстѣ съ вами; но слёзы многихъ несчастныхъ мы презирали; не говорю о томъ, какъ сами ихъ и причиняли. И я плачу вмѣстѣ съ вами, если только теперь время плакать и наступившее несчастіе не гораздо выше проливанія слёзъ. Не вижу я теперь и пользы отъ слёзъ; ибо когда предъ нашими глазами мечи враговъ обогряются кровью (нашихъ) единоплеменниковъ, а мы, видя это, вмѣсто того чтобы помочь, бездѣйствуемъ, не зная, что дѣлать, и проливаемъ слёзы, какое отъ этого утѣшеніе несчастнымъ?.. Не теперь надлежало плакать, возлюбленные, а ненавидѣть грѣхъ отъ начала; не теперь горевать, а раньше избѣгать грѣхъ удовольствій, которыя причиняли намъ это горе... Не теперь надлежало рыдать, а благоразумно жить... *Не теперь ходитъ ко всенощнымъ службамъ и на литіи*, ударять себя въ грудь и глубоко вздыхать, воздѣвать руки и преклонять колѣна, жалобно плакать и печально смотрѣть, когда на насъ направлены изощренныя жала смерти, а прежде надлежало дѣлать это, прежде раскаиваться въ (дѣлахъ) злыхъ...²⁾. Часто я сѣялъ въ слухъ вашъ слова увѣщанія и угрозы³⁾, но, кажется, они падали въ тернія; я предостерегалъ, укорялъ, часто указывалъ вамъ на гибель содомлянъ и бывший прежде того потопъ... Часто я внушалъ вамъ: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не допускайте изощряться мечу, лукъ напрягается; не обращайтесь долготерпѣнія (Божія) въ поводъ къ нерадѣнію, не злоупотребляйте благостью (Его)... Но вы не раскаялись, но отяготили уши свои, чтобы не слышать по слову

1) Nauck, стр. 202—203. Müller, стр. 163. Ἀριστάρχου стр. 7—8.

2) Nauck, стр. 204—205. Müller, стр. 163—164. Ἀριστάρχου стр. 9—11.

3) Изъ этого видно, что патріархъ Фотій, вѣроятно уже съ самаго начала своей патріархіи (857—860), часто увѣщевалъ въ проповѣдяхъ свою паству.

Господа. Посему излилась на насъ ярость его и возсталъ онъ на грѣхи наши, и обратилъ противъ насъ лице свое... Горе мнѣ», восклицаетъ дальше патріархъ, «что я дожилъ до этихъ несчастій, что мы сдѣлались посмѣшищемъ у сосѣдей нашихъ поруганіемъ и посрамленіемъ у окружающихъ насъ; что неожиданное нашествіе варваровъ не дало времени молвѣ возвѣстить о немъ, дабы можно было подумать что нибудь о безопасности, но въ одно и то-же время мы и увидѣли и услышали и пострадали, хотя напавшіе и отдалены были (отъ насъ) столькими странами и народоначальствами, судоходными рѣками и безпристанищными морями. Горе мнѣ, что я вижу, какъ народъ грубый и жестокой окружаетъ городъ и расхищаетъ городскія предмѣстія, все истребляетъ, все губитъ, нивы, жилища, пастбища, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ поражаетъ мечемъ, никого не жалѣя, ничего не щадя; всеобщая гибель! Онъ, какъ саранча на жатву и какъ плѣсень на виноградъ, или лучше, какъ жгучій зной, или тифонъ, или потокъ, или, не знаю, что назвать, напалъ на нашу страну и истребилъ цѣлыя поколѣнія жителей. Ублажаю тѣхъ, которые сдѣлались жертвою убійственной и варварской рукой, потому что умершіе раньше они избавились отъ чувствованія несчастій, постигшихъ насъ неожиданно; а если бы было чувство и у самихъ этихъ отшедшихъ, то и они вмѣстѣ со мною оплакивали бы оставшихся въ живыхъ, какъ эти страдаютъ во все время, какихъ преисполнены скорбей и не избавляются отъ нихъ, какъ ищутъ смерти и не находятъ ея. Ибо гораздо лучше однажды умереть, нежели постоянно ожидать смерти и непрестанно скорбѣть о страданіяхъ ближнихъ и сокрушаться душою»¹⁾. И что всего хуже, подобныя несчастія постигли ихъ во время отсутствія царя и арміи. «Гдѣ теперь царь христілюбивый? Гдѣ воинства? Гдѣ оружія, машины, военные совѣты и припасы? Не другихъ ли варваровъ нашествіе удалило и привлекло къ себѣ все это? Царь переноситъ продолжительные труды за предѣлами (имперіи), вмѣстѣ съ нимъ страдаетъ и войско; а насъ изнуряетъ очевидная гибель и смерть, однихъ уже постигшая, къ другимъ приближающаяся. Этотъ скиѣскій, грубый, варварскій народъ, какъ выползши изъ самыхъ предмѣстій города, подобно полевому звѣрю истребляетъ окрестности его»²⁾. Константинополь однако остается пока нетронутымъ; онъ только былъ окруженъ

1) Nauck, стр. 206—208. Müller, стр. 164—165. Ἀριστάρχου стр. 13—17.

2) Nauck, стр. 208—209. Müller, 165. Ἀριστάρχου 17.

врагами со всѣхъ сторонъ; они разрушаютъ окрестности и безпощадно избиваютъ населеніе. Но такъ какъ помощи не откуда ожидать, гибель города неизбежна. Патріархъ вспоминаетъ Іеремію: «Приди ко мнѣ плачевнѣйшій изъ пророковъ и оплачь вмѣстѣ со мною Іерусалимъ, не тотъ древній градъ—матерь одного народа, разросшагося отъ одного корня въ двѣнадцать вѣтвей, но (матерь городовъ) всей вселенной, какую только озаряетъ христіанская вѣра, превосходнѣйшій по древности и красотѣ, по обширности и блистательности, по множеству жителей и великолѣпію, оплачь со мною этотъ Іерусалимъ, еще не взятый и не низложенный, но уже близкій къ тому, чтобъ быть взятымъ, и видимо потрясаемый, оплачь со мною этотъ царственный городъ, еще не отведенный въ плѣнъ, но уже отдавшій въ плѣнъ надежду спасенія... О царственный городъ, какія бѣды столпились вокругъ тебя! И родныхъ дѣтей твоихъ и красивыя предмѣстія столицы поглощаютъ бездны моря и уста огня и меча распредѣляя ихъ между собою по обычаю варваровъ. О благая надежда многихъ! какая гроза бѣдствій и какое множество ужасовъ обложили тебя кругомъ, унизили твою громкую славу! О городъ, царствующій почти надъ всей вселенной, какое войско, необученное военному искусству и составленное изъ рабовъ, глумится надъ тобою, какъ бы надъ рабомъ! О городъ, украшенный добычами многихъ народовъ, какой народъ вздумалъ обратить тебя въ свою добычу! О (городъ), воздвигнувшій множество памятниковъ побѣды надъ врагами Европы, Азіи и Либіи, — какъ теперь простерла на тебя копье варварская и низкая рука, поднявшись поставить памятникъ побѣды надъ тобою!»¹⁾ Патріархъ, продолжая дальше свою іереміаду, воображаетъ городъ уже павшимъ и оплакиваетъ со слезами на глазахъ великолѣпіе и изящество храмовъ, которыхъ неприступные жертвенники угрожаетъ осквернить вторженіе нечестивыхъ. Онъ оплакиваетъ близкое разрушеніе святой Софіи и приглашаетъ молящихся слушателей расплакаться съ нимъ; нѣтъ спасающаго, нѣтъ помощника. Но въ эту минуту, благовременно подготовленную витійскою способностью, патріархъ восклицаетъ: «Но доколѣ плачь? доколѣ сѣтованіе? Доколѣ рыданіе? Кто услышитъ и какъ прекратится пораженіе? Кто будетъ заступникомъ, кто возопіетъ за насъ? Нѣтъ Моисея, нѣтъ Авраама, чтобы отверзть уста и съ дерзновеніемъ сказать къ Богу: не погуби праведнаго съ нечестивымъ, и да не будетъ съ пра-

1) Nauck, стр. 209—211. Müller, 165—166. Ἀριστάρχου 18—20.

ведникомъ тоже, что съ нечестивымъ»¹⁾). Затѣмъ глубоко вѣрующій патриархъ сейчасъ ободряетъ слушателей: «Но, если захотите, скажу странное, но истинное,—то и вы можете приобрести себѣ Моисея, можете выставить Авраама. Можете, если захотите, сдѣлать, чтобы и онъ вамъ сказалъ: Господь будетъ поборать за насъ, а мы будемъ спокойны». Слушатели, повидимому, со слезами выражаютъ патриарху готовность къ раскаянію и къ чистой жизни. Однако, онъ считаетъ неискренними обѣщанія, даваемые во время опасности. «Но если хотите знать, я боюсь, что ваше рыданіе кратковременно, ваша милостыня—скоропреходяща, благоразуміе—мимолетно, братолюбіе—только дотолѣ, пока сдружаетъ васъ опасность отъ окружающихъ враговъ—это общее бѣдствіе, смиреніе и благонравіе—только дотолѣ, пока угрожаетъ плѣненіе, воздержаніе отъ надменности и обузданіе гнѣва и употребленіе языка на духовныя пѣснопѣнія, а не на срамныя рѣчи,—только дотолѣ, пока крики непріятелей раздаются въ ушахъ вашихъ, литіи и всенощныя бдѣнія, посты и воздыханія—только дотолѣ, пока смерть отъ меча предъ вами»²⁾). Вотъ, что смущаетъ и тревожитъ меня гораздо больше оружія варваровъ; вотъ чего я боюсь. Я вижу, какъ легко теперь всѣ вообще дѣлаютъ то, чего прежде не дѣлали даже только нѣкоторые и притомъ съ трудомъ. Меня страшитъ и печалитъ то, что мы, когда предстоитъ пораженіе, тогда и склоняемся къ исправленію, и когда угрожаютъ бѣдствія (τὰ λυπηρά)³⁾, тогда и принимаемся за добрыя дѣла. Поэтому теперь и нѣтъ ни Моисея, ни Авраама. А если бы вы и по минованіи постигшаго насъ несчастія (τῆς οὖν ἡμᾶς κατεχούσης συμφορᾶς)⁴⁾ сохранили такое-же благонравіе, настроеніе и поведеніе, то выставили бы многихъ Моисеевъ и Авраамовъ поборать за васъ и ходатайствовать о васъ предъ Богомъ. Что я говорю: Моисея и Авраама? Самого, общаго намъ и имъ, Владыку вы имѣли бы поборникомъ и защитникомъ вашимъ»⁵⁾). Дальше патриархъ старается окончательно возстановить душевное спокойствіе слушателей: «Но остановите ваши слѣзы, перестаньте плакать; будьте

1) Nauck, 211—212. Müller, 166. Ἀριστάρχου 20—22.

2) Видно, что во время произношенія бесѣды совершалось въ храмѣ Святой Софії всенощное бдѣніе, къ которому приготавливались постомъ, какъ объ этомъ говорится въ началѣ бесѣды.

3) Этому соотвѣтствуетъ λυποῖσι во всеобщей молитвѣ къ Богородицѣ, которую сохранилъ намъ первоначальный синаксарь Акаѳиста.

4) Слово это встрѣчается также въ Акаѳистѣ: ἀπὸ πάσης ῥῆσαι συμφορᾶς ἀπαντας = «отъ всякаго избави насъ всѣхъ несчастія» (стихъ 292).

5) Nauck, стр. 212—213. Müller, стр. 167. Ἀριστάρχου стр. 25—26.

добрыми стражами; съ дерзновеніемъ говорю вамъ: я ручаюсь за ваше спасеніе; говорю это, полагаясь на ваши обѣты, а не на свои дѣла, — на ваши увѣренія, а не на свои слова. Я ручаюсь за ваше спасеніе, если вы сами твердо сохраните свои обѣщанія; я — за отвращеніе бѣдствій, если вы — за твердое исправленіе, я — за удаленіе враговъ, если вы — за удаленіе отъ страстей; или лучше не я поручитель за это, но и за меня, и за васъ, если вы будете неуклонными исполнителями вашихъ обѣщаній, вы сами будете порукою, сами окажетесь ходатаями. И Господь человеколюбивый и сожалѣющій о бѣдствіяхъ человѣческихъ изгладитъ беззаконія наши и избавитъ насъ» ¹⁾. Далѣе приглашаетъ всѣхъ на общую молитву къ Богородицѣ. «Наконецъ, возлюбленные, настало время прибѣгнуть къ матери Слова, единой нашей надеждѣ и прибѣжищу. Къ ней возопіемъ съ благоговѣніемъ: спаси городъ твой, какъ сама знаешь, Владычица! Ее поставимъ ходатайцею предъ сыномъ ея и Богомъ нашимъ и ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и порукою нашихъ обѣтовъ, чтобы она возносила наши моленія и низводила (на насъ) человеколюбіе рожденнаго ею, разсѣяла тучу враговъ и озарила насъ лучами спасенія. Ея молитвами да избавимся отъ *настоящаго гнѣва и отъ будущаго нескончаемаго осужденія во Христѣ Иисусѣ*» ²⁾.

Такъ кончается первая бесѣда патріарха Фотія, произнесенная во время самаго разгара войны и осады. Воззваніе его къ Богородицѣ, чтобы она избавила всѣхъ *отъ настоящаго гнѣва и будущаго осужденія*, встрѣчается въ другихъ словахъ въ концѣ пѣснопѣнія (Акаө. ст. 289 — 293): «*О всепѣтая Матерь, родившая святѣйшее всѣхъ святыхъ слово! Принявъ нынѣшнее приношеніе, избавь отъ всякой бѣды всѣхъ, и спаси отъ будущаго мученія*».

Вышеприведенныя выдержки прямо указываютъ на то, что бесѣда Фотія, первоначальный синаксарь и пѣснопѣніе Акаөиста тѣсно связаны между собою, а потому послѣ этого врядъ ли остается сомнѣніе въ томъ, что праздникъ похвалы Божіей Матери установленъ не ранѣе 860 года. Судя по содержанію бесѣды патріарха, Акаөистъ намъ создали совершенно случайныя обстоятельства. Тогдашняя служба, на которую онъ часто указываетъ, сопровождалась литіями и всенощнымъ бдѣніемъ, стояніемъ и постомъ. Однако и главныя свойства извѣстнаго намъ ежегоднаго праздника Акаөиста Божіей Матери, т. е.

1) Nauck, стр. 214. Müller, 167. Ἀριστάρχου 27.

2) Nauck, стр. 215. Müller, 167. Ἀριστάρχου 27.

его переходность и принадлежность къ праздникамъ постнаго періода, вполне гармонируютъ съ условіями полагаемаго его происхожденія при патриархѣ Фотіѣ. Во первыхъ, онъ т. е. Акаѳистъ не долженъ по необходимости праздноваться въ опредѣленный день мѣсяца, потому что случайно вызванъ; онъ долженъ быть переходящимъ праздникомъ. Во вторыхъ, онъ долженъ принадлежать къ такому періоду года, къ которому вполне подходятъ печаль, раскаяніе, посты и бдѣнія и пр., а именно къ постному періоду.

Переходность праздника не только сохраняется въ преданіи, но на нее прямо указываетъ синаксарь Великой Церкви, составленный послѣ 878 года, во время второй патриархіи Фотія. По нему Акаѳистъ празднуется въ день, въ который прикажетъ самъ патриархъ. Синаксарь восстанавливаетъ слѣдующее: «Въ субботу пятой недѣли Апостоль къ Евреямъ... И на какую недѣлю поста повелѣваетъ патриархъ, или въ среднюю или въ слѣдующую за ней, мы правимъ всенощное бдѣніе въ Влахернахъ» (Τῷ Σαββάτῳ τῆς ἐΐβδομάδος ὁ Ἀπόστολος πρὸς Ἑβραίους... καὶ οἶαν ἐβδομάδα τῶν Νηστειῶν κελεύει ὁ πατριάρχης, εἴτε τῇ μέσῃ εἴτε τῇ μετὰ ταύτην ἐβδομάδι, γίνεται ἡ παννουχίς ἐν Βλαχέρναις)¹⁾. Въ X вѣкѣ назначена извѣстная суббота. Объ этомъ свидѣтельствуетъ синаксарь Великой Церкви, составленный въ 950—956 году; вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется имъ и причина Акаѳистнаго богослуженія. «Въ субботу средней недѣли синаксисъ пресвятой, пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, въ ея досточтимомъ храмѣ, въ Влахернахъ, когда съ вечера совершается всенощная служба, въ которой мы воздаемъ Ей благодареніе отъ всего сердца, за то, что Она сверхъ всякаго чаянія избавляла городъ въ разныя времена отъ опасностей со стороны Персовъ и Варваровъ». (Τῷ Σαββάτῳ μετὰ τὴν μέσῃν ἐβδομάδα σύναξις ἐπιτελεῖται τῆς παναγίας ἀχράντου δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας ἐν τῷ σεβασμίῳ αὐτῆς οἴκῳ, τῷ ὄντι ἐν Βλαχέρναις, τῆς παννουχίδος ἀπὸ ἐσπέρας τελουμένης, ἐν ἣ εὐχαριστίαν αὐτῇ ἐξ ὅλης καρδίας προσάγομεν ἀνθ' ὧν ὑπὲρ πᾶσαν ἐλπίδα τὴν δουλικὴν ταύτην πόλιν ἐκ τῶν ἄμα κατὰ καιροῦς κυκλωσάντων αὐτὴν περσικῶν καὶ βαρβαρικῶν κινδύνων ἐλυτρώθημεν)²⁾.

1) А. Дмитриевскаго, Описание литургическихъ рукописей. Томъ I. Тулика. Кіевъ 1895, стр. 124.

2) Кодексъ 40 Фонда св. Креста Иерусал. патриархіи, листъ 223.

IV.

Патріархъ Фотій — авторъ АкаѢиста Божіей Матери по поводу нашествія Руси и спеціальнаго праздника по поводу снятія осады. — Мнѣніе Красносельцева; продолжительность осады. — Свидѣтельство Θεодора Ласкариса объ АкаѢистѣ (XII в.). — Отсутствіе подражанія пѣснопѣнію АкаѢиста до IX вѣка, какъ доказательство его происхожденія не ранѣе 860 года. — Возможные авторы пѣснопѣнія (Іосифъ пѣснопѣвецъ, Смирскій митрополитъ Митрофанъ, Георгій Хартофилаксъ). — Фотій наиболѣе вѣроятный авторъ пѣснопѣнія; стилистическое его сходство съ разными произведеніями Фотія. — Многіе изъ похвальныхъ стиховъ АкаѢиста взяты буквально или по смыслу изъ произведеній пѣснопѣвцевъ древнѣе 860 года.

Такимъ образомъ константинопольскій синаксарь X вѣка окончательно рѣшаетъ вопросъ объ АкаѢистѣ Божіей Матери, ясно говоря, что его служба не имѣетъ въ виду одной какой либо опредѣленной осады Византіи, но вообще всѣхъ нашествій нехристіанскихъ народовъ; этимъ и подтверждается съ одной стороны первоначальный синаксаристъ, а съ другой бесѣда патріарха Фотія, гдѣ слушатели поощряются къ безпрестанному благодаренію Богородицы. Слѣдовательно было бы совершенно логично считать самого патріарха авторомъ АкаѢиста, хотя онъ, не ограничившись этимъ, назначилъ еще, въ память снятія осады, другой спеціальнѣй торжественный праздникъ, о которомъ до настоящаго времени упоминается въ церквахъ на 5 іюня. На это косвенно указываетъ вторая бесѣда по поводу нашествія Руси. Послѣ ихъ разоренія константинопольское населеніе со своимъ патріархомъ во главѣ отслужили благодарственное моленіе Богородицы въ Влахернахъ, когда произнесена имъ вторая бесѣда, гдѣ мы находимъ прямые намеки на акаѢистное пѣснопѣніе. Описывая время тогдашняго всеобщаго ужаса, патріархъ говоритъ: «Помните ли тотъ часъ невыносимый, когда приплыли къ намъ варварскіе корабли, дышащіе чѣмъ то свирѣпымъ, дикимъ и убійственнымъ, — когда море тихо и безмятежно разстило хребетъ свой, доставляя имъ пріятное и вождедѣнное плаваніе, а на насъ воздымая свирѣпья брани, — когда они проходили передъ городомъ, неся и выставляя пловцовъ, поднявшихъ мечи, и какъ бы угрожая городу смертію отъ меча, — когда всякая надежда человѣческая оставила (здѣшнихъ) людей и городъ держался надеждою на единственное прибѣжище у Бога, — когда трепеть и мракъ объялъ умы и слухъ отверзался только для одной вѣсти: варвары уже перелѣзли чрезъ стѣны, и городъ уже взятъ вра-

гами»? ¹⁾. Послѣ этого каждый тогда исповѣдывалъ свои грѣхи. «Каждый тогда сознавалъ свою виновность и за неразумную жизнь не по заповѣди считалъ себя достойнымъ наказанія и, примѣромъ страждущихъ (τῆ τῶν λυποῦντων τεύρα) отвлекаясь отъ удовольствій, обращался къ цѣломудренной жизни, перемѣнился и исповѣдывался Господу воздыханіями, исповѣдывался слезами, молитвами, прошеніями... Это совершалось, когда мы поставили совѣсть передъ непреклоннымъ судіею грѣховъ нашихъ и обличаемые (ею) признали обвинительное рѣшеніе противъ насъ справедливымъ; когда умоляли Бога литіями и пѣснопѣніями (λιταῖς καὶ ὕμνοις ἐξεχαλούμεθα); когда съ сокрушеніемъ сердца приносили покаяніе; когда, воздѣвая руки къ Богу во всю ночь (δι' ὅλης νυκτός), просили у него помилованія, возложивъ на него всѣ свои надежды; тогда избавились отъ несчастія, тогда сподобились отгнѣны окружившихъ насъ бѣдъ, тогда мы увидѣли разсѣяніе грозы и узрѣли отступленіе гнѣва Господня отъ насъ; ибо мы увидѣли враговъ нашихъ удаляющимися, и городъ, которому угрожало расхищеніе, избавившимся отъ разоренія, тогда... Когда же? когда мы, оставшись безъ всякой защиты и не имѣя помощи отъ людей, воодушевлялись надеждами на Матерь слова и Бога нашего, ее просили умолить Сына и умилоствовать за грѣхи (наши), Ея дерзновеніе призывали во спасеніе, къ ея покрову прибѣгали, какъ къ стѣнѣ нерушимой, умоляя ее сокрушить дерзость варваровъ, смирить гордость (ихъ), защитить отчаявшійся народъ, поборать за собственную ея паству. Ея одѣяніе для отраженія осаждающихъ и огражденія осаждаемыхъ носилъ со мною весь народъ, и усердно мы возносили моленія и совершали литіи; отъ того по неизреченному челоуѣколюбію, при матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и Богъ преклонился, и гнѣвъ (Его) отступилъ, и помиловалъ Господь достояніе свое. По истинѣ эта пречестная риза есть одѣяніе Матери Бога; она кругомъ обтекала стѣны и непріатели необъяснимымъ образомъ показывали *тылъ*; она ограждала городъ, и ограда непріателей разрушалась какъ бы по данному знаку; она облекала его, и непріатели обнажались отъ той надежды, которою окрылялись. Ибо какъ только эта дѣвственная риза была обнесена по стѣнѣ, варвары принялись снимать осаду города, а мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились неожиданнаго спасенія» ²⁾. Въ концѣ патріархъ восклицаетъ: «Но такъ какъ мы из-

1) Nauck, 221. Müller, 169. Ἀριστάρχου, 38—39.

2) Nauck, 222—223. Müller, 169—170. Ἀριστάρχου 40—42.

бавились отъ грозы и избѣгли меча, и губитель миновалъ насъ, прикрытыхъ и огражденныхъ ризою матери слова, то всѣ вообще воспоемъ вмѣстѣ съ нею рожденному изъ нея Христу Богу нашему благодарственныя пѣснопѣнія, всякій домъ избѣгшій меча, всякій возрастъ, жены, дѣти, юноши, старцы. Ибо тѣ, которымъ угрожала общая погибель, должны и пѣснь общую посвящать и возносить Богу и его Матери»¹⁾.

Все это свидѣтельствуеетъ о томъ, что вторая бесѣда произнесена была во время общей благодарственной службы, посвященной въ память новаго спасенія Константинополя и имперіи; она должна была совершаться, по обычаю византійцевъ, ежегодно въ самый день снятія осады. Покойный Красносельцевъ, читавшій въ Патмосскомъ требникѣ о памяти нашествія Сарацинъ и 'Ροῦν 25 іюня, предположилъ, что здѣсь разумѣется нашествіе 'Ρῶς и что имя 'Ροῦν произошло отъ неправильнаго чтенія имени 'Ρῶς; а Сарацины въ такомъ случаѣ будутъ тѣ, противъ которыхъ выступилъ императоръ Михаилъ III²⁾. Къ этому мнѣнію примкнулъ и Хр. М. Лопаревъ³⁾. Но 'Ροῦν читается одинъ разъ и въ одномъ только требникѣ, впрочемъ полномъ странныхъ ошибокъ въ названіяхъ; всѣ-же другіе церковные требники знаютъ только Сарацинъ. Кромѣ того Сарацины эпохи Михаила наступили не на Константинополь, а на Кападокію. А память, имѣющая въ виду 'Ρῶς, можетъ быть только память 5 іюня⁴⁾. О нашествіи ихъ упоминается во многочисленныхъ синаксаряхъ и типикахъ.

Возраженіе на основаніи Хроники брюссельской, по сообщенію которой Русь напали на Константинополь 18 іюня 860 года, устраняется, во-первыхъ, простымъ замѣчаніемъ, что нашествіе и осада Руси тянулись вѣроятно почти цѣлый годъ, т. е. съ 18 іюня 860—5 іюня 861. Хотя объ этомъ мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ, наше утвержденіе можетъ остаться вѣрнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, такъ называемая хронографія Симеона магистра относитъ время нашествія Руси къ 9-му году царствованія Михаила, а время осады Константинополя къ 10-му году⁵⁾. Значитъ, опасе-

1) Nauck, 231. Müller, 172. Ἀριστάρχου, 55—56.

2) Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Импер. Новороссійскомъ Университетѣ. II. Визант. отдѣл. 1. Одесса 1892, стр. 215—217.

3) Визант. Врем. II (1895), стр. 617, 625—627.

4) См. объ этомъ у Порфирія Успенскаго, Четыре бесѣды Фотія. СПб. 1864, стр. 64. Филарета Черниговскаго, Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ. Черниговъ 1864, стр. 348.

5) Theoph. continuatus, стр. 674 Bonn.

нiя византiйцевъ начались не со дня осады самаго города, въ собственномъ смыслѣ слова, но съ появленiемъ Руси во Фракии, Пафлагонiи, Мизii и распространенiемъ ихъ по берегамъ Босфора и Мраморнаго моря, вслѣдствiе чего населенiе вынуждено было ранѣе запретить городскiя ворота. Во-вторыхъ, о томъ, что дѣйствительно осада Византiи тянулась значительно долго, свидѣтельствуется рѣчь Георгiя, впоследствии митрополита никомидiйскаго, хартофилакса Великой церкви при патриархѣ Фотiѣ. Рѣчь Георгiя произнесена въ праздникъ Введенiя Богородицы, слѣдовательно въ ноябрѣ 860 года. Въ ней мы находимъ прямой намекъ на нашествiе и осаду варварскую, которая можетъ относиться только къ Руси. «Прекрати», говоритъ проповѣдникъ, обращаясь къ Богородицѣ, «своими ходатайствами войны противъ твоего народа. Защити своею крѣпкою силою паству, которая съ убѣжденiемъ обращается къ тебѣ. Никакого побѣдительнаго знамени сильнѣе твоей помощи мы не имѣемъ предъявить. Ты видишь, что возложена на тебя вся надежда народа, призваннаго отъ сына твоего. Потому и дай, чтобы твоею силою она увѣнчалась добрымъ успѣхомъ. Ему нѣтъ другого прибѣжища отъ гнетущихъ его бѣдствiй, кромѣ твоего непреодолимаго союза. На тебя пользующiеся имъ возлагаютъ упованiя свои. Тебя противъ всего оружиемъ протягиваютъ; тебя вѣнцемъ гордости носятъ; тебя возвысили крѣпостью своего царствованiя; тебѣ вручили скипетръ своей державы. Возстань, великая, своею властью передъ лицомъ народа и враговъ твоего сына разсѣй. Мы же, съ помощью Божiею избавившись отъ ихъ остервененiя, во едино воспоемъ тебѣ, полны радости и ликованiя». (Στῆσον ταῖς πρεσβείαις σου τοὺς κατὰ τοῦ λαοῦ σου πολέμους· ἐπάμυνον τῇ κραταιᾷ σου δυνάμει τῇ εἰς σέ πεποιδυῖα ποιίμνη· οὐδὲν τῆς σῆς βοηθείας ὀχυρώτατον προβαλλόμεθα τρόπαιον. . . . ὁρᾷς πᾶσαν τοῦ ἐπωνύμου λαοῦ τοῦ υἱοῦ σου ἀνηρτημένην εἰς σέ τὴν ἐλπίδα. Δὸς οὖν ἐπ' ἀγαθοῖς ταύτην ἐκβῆναι τῇ σῇ δυνάμει. Οὐκ ἔστιν ἄλλη τούτων καταφυγὴ τῶν συνεχόντων δεινῶν, πλὴν τῆς σῆς ἀπολιρκήτου συμμαχίας. Εἰς σέ οἱ τούτου κρατοῦντες τὰς τῆς οἰκείας ἐξῆψαν προσδοκίας. Σὲ ἀντὶ πάντων ὄπλων προβάλλονται· σὲ θυρεὸν καὶ θώρακα περιέκλεινται· σὲ στέφανον καυχήσεως περιφέρονται· σὲ τῆς οἰκείας βασιλείας ὀχύρωμα ἔθεντο, σοὶ τὰ σκῆπτρα τοῦ κράτους ἐνεχείρισαν. Ἀνάστηθι τοίνυν ἐν δυναστεία μεγάλη πρὸ προσώπου τοῦ λαοῦ καὶ τοὺς ἐχθρούς τοῦ υἱοῦ σου διασχόρπισον, ἵνα τῆς ἀθέου τούτων ἀπαλλαγέντες μανίας κοινὴν εὐφροσύνην καὶ ἀγαλλίασιν κροτήσωμεν) 1). Третье доказательство о продол-

1) Migne, т. 100, ст. 1456.

жительности осады мы находимъ во второй бесѣдѣ патріарха Фотія: «Помните ли вы тотъ трепетъ, тѣ слезы и рыданія, которыми тогда мы были всѣ поражены въ крайнемъ отчаяніи»? ¹⁾ И еще: «Знаете конечно всѣ, что въ то время каждый научаемый своею совѣстью, если онъ совершилъ несправедливость, давалъ Богу обѣщаніе, что онъ больше не будетъ поступать несправедливо» ²⁾.

Однако не много спустя (μετ' οὐ πολὺ) послѣ снятія осады и спасенія города и имперіи прибыло посольство отъ Ῥώσ съ просьбою о христіанизации ихъ и о распространеніи христіанской религіи въ ихъ странѣ. Они принимаютъ новую религію и епископа, рукоположеннаго патріархомъ Фотіемъ. Справедливо гордясь своимъ подвигомъ, написалъ онъ въ знаменитомъ своемъ окружномъ посланіи: «Но даже и многими многократно прославленные (пресловутые) и въ жестокости и скверноубійствѣ всѣхъ оставляющіе за собою, такъ называемые Русь, которые, поработивъ находящихя кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ державы Ромэевъ, — въ настоящее время даже и они промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную христіанскую вѣру, съ любовью поставивъ себя въ чинѣ послушниковъ и друзей нашихъ, вмѣсто разоренія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли незадолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря и исполняютъ обычаи христіанъ съ великимъ усердіемъ и ревностью» ³⁾.

Какъ мы уже говорили выше, Русь приняла христіанство немного спустя, вѣроятно, послѣ снятія осады, — около конца 861 года въ самомъ Константинополѣ; и только этого достаточно, чтобы изъ вѣжливости не упомянулось ихъ національное названіе въ синаксарѣ и требникѣ 5 іюня, гдѣ доселѣ грубые идолопоклонники именовются просто варварами, какъ напримѣръ въ требникѣ 950—956 года. «И память страшной бѣды съ (божественнымъ) человѣколюбіемъ, постигшей насъ при нашествіи варваровъ, когда всѣ мы были бы избиты и попали бы въ плѣнъ; но сверхъ всякаго чаянія спасъ насъ милосердный Богъ молитвами безпорочной Богородицы» (Καὶ μνήμη τῆς μετὰ φιλανθρωπίας ἐπενεχθείσης ἡμῖν φοβεῶς ἀνάγκης ἐν τῇ τῶν βαρβάρων

1) Nauck, 220. Müller, 169. Ἀριστάρχου, 38.

2) Nauck, 224. Müller, 170. Ἀριστάρχου, 44.

3) Φωτίου ἐπιστολαί, изд. Βαλέττα, стр. 178.

ἐπιδρομῇ, ὅτε μέλλοντας πάντας διαχειρίζεσθαι καὶ αἰχμαλωσίᾳ παραδίδοθαι ὁ οἰκτίρμων Θεὸς πρεσβείαις τῆς ἀχράντου Θεοτόκου παρ' ἐλπίδα πᾶσαν ἐλυτρώσατο) ¹⁾.

Такимъ образомъ, съ одной стороны снятіе осады послужило поводомъ къ установленію этой особенной литургической памяти, — съ другой опасенія и войны во все время продолженія осады способствовали созданію праздника похвалы Божіей Матери и ея Акаѳиста. Уже въ XIII вѣкѣ всесторонній ученый императоръ Θεодоръ Ласкарисъ упоминаетъ объ этомъ, какъ о какомъ то общеизвѣстномъ фактѣ. Въ своей рѣчи «къ пресвятой Богородицѣ, которую слѣдуетъ читать въ праздникъ Акаѳиста Божіей Матери», онъ прямо говоритъ: «Сегодня веселье на небесахъ и имъ сорадуются всѣ силы природы. . . . Ибо все разнообразіе мірозданія увидѣло чудеса Богородицы; моментально потоплены Русь, которые потокомъ нахлынули нѣкогда на Византію, возложивъ свои надежды на морское сраженіе; благочестивые же спасены въ своей слабости сильною рукою Божіею, потому что хранительница ихъ сама Богоматерь». (Σήμερον ὁ οὐρανὸς χορεύει, τὰ περὶ αὐτὸν δὲ σύστοιχα συνευφραίνεται, κυκλικῶς οὐ φυσικευόμενα, ἀλλ' ὑπερφυῶς θαυμαζόμενα· ἐωράκει γὰρ τὸ πολυσύνδετον ἄθροισμα τῆς κοσμοθεσίας, τῆς Θεοτόκου τὰ θαύματα. Ἀπεπνίγη ὁ Ῥῶς ἐκ τοῦ πάραυτα, ὁ τὸν ῥοῦν κατὰ τῆς Βυζαντίδος κινήσας ποτέ, ὁ τῇ ναυμαχίᾳ τὰς ἐλπίδας ἀνατεινόμενος, καὶ σέσωσται τὸ τῶν εὐσεβῶν ἀσθενὲς τῇ βριαρᾷ χειρὶ τοῦ Θεοῦ· ἡ μήτηρ γὰρ τούτου φύλαξ) ²⁾).

Пѣснопѣніе Акаѳиста не можетъ быть древнѣе 860 года еще и потому, что риѳмъ и мотивъ его не имѣютъ подражателей въ предшествующей эпохѣ; нигдѣ Акаѳистъ не сталъ примѣромъ другого какого нибудь церковнаго пѣнія раньше IX вѣка. Впервые онъ появляется

1) Рукопись 40 Святого Креста въ Іерусалимѣ, листъ 160. Ср. А. Дмитриевскаго, *Τυπικά*, стр. 78. Delehaye, *Synaxarium*, стр. 729—731.

2) *Σοτήρ* 1894, т. 16, стр. 187. Здѣсь нужно прибавить, что и до насъ у нѣкоторыхъ русскихъ писателей замѣчается прямо убѣжденіе, основанное можетъ быть на какомъ нибудь устномъ или письменномъ преданіи, въ томъ, что Акаѳистъ Божіей Матери составленъ по поводу спасенія Константинополя отъ первой русской осады въ 860 г. Объ этомъ по крайней мѣрѣ упоминаетъ Андрей Муравьевъ (*Исторія Россійской Церкви*, 3-е изданіе, СПб. 1845, стр. 13), какъ о какомъ-то несомнѣнномъ фактѣ, однако безъ всякаго доказательства. Съ такимъ мнѣніемъ покойный А. А. Куникъ никакъ не могъ согласиться. См. E. Kunik, *Die Befugung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven*. St.-Petersburg 1845, т. 2, стр. 234. *Mélanges Russes tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*, т. I, стр. 148; томъ V, стр. 35—36.

въ качествѣ пѣсеннаго мотива во главѣ икосовъ Романа Пѣснопѣвца¹⁾. Однако указаніе здѣсь: *Πρὸς τὸ Ἀγγέλος πρωτοστάτης* (по напѣву: Ангелъ предстатель) не ирмосъ; это простая замѣтка каллиграфа или пѣвца, только не самого Романа, и все, что можно сказать въ данномъ случаѣ объ отношеніи Акаѣиста къ Роману, это то, что икосы Акаѣиста составлены по риѣму икосовъ Романа²⁾. Только въ концѣ X вѣка первый разъ риѣмъ и напѣвъ кондака: *Τῆ ὑπερμάχῳ* употребляется въ качествѣ образца какого-то пѣнія Іерусалимскаго патріарха Ореста³⁾. Нѣтъ никакой возможности доказать, что сохранившіяся пѣнія по мотиву Акаѣиста древнѣе IX вѣка⁴⁾.

Послѣ этого ясна нецѣлесообразность всякой попытки искать составителя Акаѣиста въ эпоху древнѣе того же IX вѣка. Гораздо разумнѣе полагать, что онъ жилъ въ 860 году, разъ мы уже знаемъ, что онъ составленъ по поводу акаѣистнаго праздника, относящагося къ этому году. Прежде всего нужно назвать имя патріарха Фотія, какъ составителя пѣснопѣнія, который самъ былъ и основателемъ праздника, и сверхъ того извѣстенъ какъ гимнографъ церкви и пѣснопѣвецъ, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ приписываемыхъ ему литургическихъ пѣній, сохранившихся до настоящаго времени⁵⁾. Навѣрно славу автора Акаѣиста могъ бы приобрѣсти себѣ Іосифъ пѣснопѣвецъ,

1) *Pitra, Analecta sacra*, т. I, стр. 68.

2) См. объ этомъ *Néa Hméra* (1902, № 1422, 1423, 1438) и *Deutsche Literaturzeitung* 1902, стр. 407—408.

3) *Pitra, Analecta sacra*, т. I, стр. 300.

4) См. ихъ у *Pitra*, т. I, стр. XXXIX, 265, 612, 613. Нужно замѣтить, что у древнихъ христіанъ подражаніе Акаѣисту Богородицы считалось, такъ сказать, профанацией; акаѣисты же въ честь святыхъ, составленные по примѣру нашего Акаѣиста, не воспѣвались въ церквахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ посланіе Аѣинскаго митрополита Михаила Акомината къ неизвѣстному ученому врачу, попытавшемуся увеличить литургическую гимнологию святаго присоединеніемъ Акаѣиста. «Если ты хочешь», пишетъ ему митрополитъ, «украдкою и въ ночномъ мракѣ править праздникъ святому, какъ ты написалъ, присоединяя къ нему акаѣистное пѣснопѣніе, то ты долженъ бояться не впасть въ огонь въ то время, когда ты избѣгаешь дыма, служа сплетникамъ поводомъ къ обвиненію тебя въ новаторствѣ. Вѣдь не ускользнуть подобнымъ пѣніямъ отъ завистнаго слуха, даже если бы они пѣлись вполголоса, и въ поздней ночи и въ какихъ-то пещерцахъ. Ибо такъ называемое пѣснопѣніе Акаѣиста къ одной Богородицѣ и разъ только въ годъ отпѣвается по древнему преданію, и никто изъ любителей праздниковъ и пѣній не подражалъ ему ради памяти кого-нибудь изъ святыхъ. Слѣдовательно не подобаетъ и тебѣ это сдѣлать, чтобы ты не изобличался въ новизнѣ» (*Μιχαὴλ Χωνιάτου τὰ σφζόμενα*, стр. 265—266, изд. Σ. Λάμπρου).

5) См. нашу книжку: *Εἰς ὕμνος τοῦ πατριάρχου Φωτίου*. Одесса 1900. Ср. Лѣтопись Ист.-Филол. Общества при Имп. Новоросс. Унив. VIII. Византійско-слав. отдѣленіе. V. Одесса 1900, стр. 527—538.

но онъ какъ разъ въ 860 году былъ уже сосланъ въ Херсонъ, гдѣ онъ остался до конца первой патріархіи Фотія. Пѣсенный канонъ Іо-сифа, относящійся къ Акаѣисту, безъ сомнѣнія составленъ во время второй патріархіи Игнатія или Фотія, не позже 883 г., когда онъ умеръ.

Еще акаѣистное пѣснопѣніе могъ бы присвоить себѣ смирнскій митрополитъ Митрофанъ, если бы и этотъ тоже не былъ въ 860 г. сосланъ въ Херсонъ. Акаѣистъ не можетъ быть произведеніемъ и Георгія Хартофилакса потому, что нѣтъ никакого основанія оцѣнить ученика больше учителя, патріарха Фотія, и въ особенности потому, что существуетъ даже стилистическое и лексическое сродство между пѣснопѣніемъ и нѣкоторыми произведеніями нашего патріарха.

Акаѣистное пѣснопѣніе есть въ сущности отраженіе первой бесѣды патріарха Фотія по поводу нашествія Руси, а во второй бесѣдѣ встрѣчаются даже слова и выраженія самаго пѣснопѣнія и прямыя намеки на него.

Такъ, напри-мѣръ, въ этой послѣдней бесѣдѣ патріархъ между прочимъ упоминаетъ о томъ, какъ онъ вмѣстѣ съ народомъ просилъ Бога «объ очищеніи грѣховъ» (εις ἐξιλασμόν τῶν ὀλισθημάτων)¹⁾; съ этимъ можно сравнить 69 ст. Акаѣиста: χαῖρε παντός τοῦ κόσμου ἐξιλασμα (радуйся, всего міра очищеніе); онъ призывалъ во спасеніе дерзновеніе Богородицы (τῆς θεοτόχου τὴν παρρησίαν εἰς σωτηρίαν)²⁾; въ Акаѣистѣ (ст. 7) тоже говорится: χαῖρε θνητῶν πρὸς θεὸν παρρησία (радуйся, смертныхъ къ Богу дерзновеніе); такъ-же и въ 166 ст.: χαῖρε στολή τῶν γυμνῶν παρρησίας (радуйся, одеждо-нагихъ дерзновеніе). Въ той-же бесѣдѣ Фотій говоритъ, что они умоляли Богородицу: τὴν σκέπην εἰς τεῖχος εὐρεῖν ἀπολιόρητον³⁾; и въ Акаѣистѣ мы читаемъ (ст. 139): χαῖρε σκέπη τοῦ κόσμου (радуйся покрове міру). Тамъ-же Богородица сравнивается съ τεῖχος ἄρρηκτον⁴⁾, и Акаѣистъ характеризуетъ ее (ст. 283) какъ ἀπόρθητον τεῖχος (нерушимая стѣна). Патріархъ, въ другомъ мѣстѣ той же бесѣды, призывалъ всѣхъ къ благодарственному воспѣванію Богородицы, почерпая изъ самаго Акаѣиста такіа выраженія: Εἰπωμεν τῇ Μητρὶ τοῦ Λόγου καὶ γνώμης εὐθύτητι καὶ ψυχῆς καθαρότητι... Αὐτὴ τὴν σὴν πόλιν, ὡς οἶδας, ὡς βούλει, περίσωσον ὄπλα σε καὶ τεῖχος καὶ

1) Nauck, стр. 222.

2) Nauck, стр. 222.

3) Nauck, стр. 222.

4) Nauck, стр. 222. Müller, стр. 170. Ἄριστ., стр. 45.

θυρεοῦς καὶ στρατηγὸν αὐτὸν προβαλλόμεθα· αὐτῆ τοῦ λαοῦ σου ὑπερμάχησον¹⁾; здѣсь каждый припоминаетъ первыя слова Акаѳиста: τῆ ὑπερμάχῳ στρατηγῶ (взбранной воеводѣ) и χαῖρε τῆς βασιλείας τὸ ἀπόρθητον τεῖχος (радуйся царствія нерушимая стѣно). Стихотическое сходство пѣснопѣнія съ Акаѳистомъ замѣчается и въ другихъ произведеніяхъ Фотія. Такъ напримѣръ, въ канонѣ пресвятой Троицѣ Фотій говоритъ: Σε προστασίαν καὶ σκέπην καὶ ἐλπίδα καὶ τεῖχος καὶ προσφυγὴν καὶ ἰλασμόν καὶ λύσιν τῶν δεινῶν εὐρηκότες, ἀγνή, διασωζόμεθα²⁾; сравни съ этимъ ст. акаѳ. пѣснопѣнія 65, 69, 139, 161. Фотій въ своемъ словѣ въ праздникъ на Рождество Богородицы говоритъ: Ἡ κλίμαξ ἡ πρὸς τοὺς οὐρανοὺς ἀναφέρουσα καταρτίζεται³⁾; въ Акаѳистѣ (ст. 40): χαῖρε κλίμαξ ἐπουράνιε, ἐν ἧ κατέβη ὁ θεός (радуйся, лѣстнице небесная, ею же сниде Богъ). Въ одной стихирѣ Фотія читаемъ: χαῖρε τὸ τῶν ἀγγέλων περιβόητον θαῦμα⁴⁾; въ Акаѳистѣ тоже самое (ст. 42): χαῖρε τὸ τῶν ἀγγέλων πολυθρύλητον θαῦμα (радуйся, Ангеловъ многословущее чудо). Въ другой стихирѣ патріарха читаемъ: χαῖρε, βασιλειον κράτος καὶ πύργε ἄσειστε· χαῖρε πιστῶν ἡ δόξα, ἀνόρθωσις πιπτόντων, χαῖρε ἀγνή, καὶ διαβόλου κατάπτωσις⁵⁾; Акаѳистъ: χαῖρε τῆς Ἐκκλησίας ὁ ἀσάλευτος πύργος, и χαῖρε τῶν πιστῶν ἀναμφίβολον καύχημα, и χαῖρε ἀνόρθωσις τῶν ἀνθρώπων· χαῖρε κατάπτωσις τῶν δαιμόνων (радуйся, церкви непоколебимый столпе» и «вѣрныхъ извѣстная похвало» и «радуйся исправленіе челоуѣковъ, радуйся низверженіе бѣсовъ») (ст. 132, 133, 183, 282). Въ другой стихирѣ Фотія читаемъ: χαῖρε, τοῦ Ἀδάμ καὶ τῆς Εὕας ἡ λύτρωσις· χαῖρε μαρτύρων σθένος ἀνίκητον⁶⁾; въ Акаѳистѣ: χαῖρε τοῦ πεσόντος Ἀδάμ ἡ ἀνάκλησις· χαῖρε τῶν δακρύων τῆς Εὕας ἡ λύτρωσις и χαῖρε τῶν ἀθλοφόρων τὸ ἀνίκητον θάρσος (радуйся, падшаго Адама воззвание, радуйся слезъ Евиныхъ избавленіе, радуйся, страстоперпцевъ непобѣдимая дерзосте) (ст. 14, 15, 91).

Примѣры эти, намъ кажется, достаточно ясно обнаруживаютъ существующую связь Акаѳистнаго пѣснопѣнія съ произведеніями Фотія; поэтому мы можемъ считать его не только установителемъ Акаѳист-

1) Nauck, стр. 231. Müller, стр. 172. Ἀριστ., стр. 56.

2) А. П.-Кераμέως Φωτίου. .. ποιημάτων СПб. 1892, с. 14.

3) Ἀριστ., т. 2, стр. 343

4) Θεοτοχάριον Νικοδήμου. Βενετία 1883, стр. 11.

5) Тамъ-же, стр. 11.

6) Θεοτοχάριον, стр. 113.

наго праздника, но, съ большою вѣроятностью, и составителемъ самаго знаменитаго пѣснопѣнія. Однако и независимо отъ вопроса, кому принадлежитъ это произведение, важно, что похвалы Богородицы по большей части заимствованы изъ разныхъ церковныхъ пѣнй, относящихся къ эпохѣ не ранѣе восьмого и девятого вѣковъ. Въ немъ встрѣчаются выраженія, почти буквально заимствованныя изъ пѣнй святыхъ, на примѣръ Андрея Критскаго, Иоанна Дамаскина, Теофана Начертаннаго, изъ слова на праздникъ Введенія Богородицы святого патріарха Тарасія, дяди по отцу святого Фотія. Однимъ словомъ, Акаеистное пѣснопѣніе Богородицѣ — это мозаика изъ разныхъ пѣнй различныхъ пѣснопѣвцевъ. Мы заканчиваемъ наше изслѣдованіе, приводя нѣсколько примѣровъ¹⁾.

Акаѳ. ст. 14 и 15: χαῖρε τοῦ πεσόντος Ἀδάμ ἢ ἀνάκλησις, χαῖρε τῶν δακρύων τῆς Εὐας ἢ λύτρωσις (радуйся, падшаго Адама воззваніе, радуйся, слезъ Евиныхъ избавленіе). Иоаннъ Дамаскинъ въ Θεοτοκάριον стр. 15: Παρθένε χαῖρε σεμνή, τοῦ Ἀδάμ ἢ ἀνόρθωσις καὶ τῶν δακρύων τῆς Εὐας ἀπαλλαγὴ. Тамъ-же стр. 70: χαῖρε Ἀδάμ ἢ ἔγερσις καὶ Εὐας τοῦ θρήνου ἀναίρεσις. Θεодоръ Студитъ тамъ-же стр. 45: χαῖρε Ἀδάμ ἢ ἀνάκλησις καὶ Εὐας ἢ λύτρωσις.

Акаѳ. стр. 16, 17: χαῖρε ὕψος δυσανάβατον ἀνθρωπίνοις λογισμοῖς χαῖρε βάθος δυσθεώρητον καὶ ἀγγέλων ὀφθαλμοῖς (радуйся, высоту, неудобовосходимая человѣческими помысли, радуйся, глубино, неудобозримая и ангельскими очима). Иоаннъ Дамаскинъ въ Θεοτοκ. стр. 100: χαῖρε βάθος ἀμέτρητον, χαῖρε ὕψος ἄρρηκτον καὶ ἀγγέλοις ἀγνώριστον.

Акаѳ. ст. 20: χαῖρε ἀστὴρ ἐμφαίνων τὸν ἥλιον (радуйся звѣздо, являющая солнце). Дамаскинъ (тамъ-же стр. 97): χαῖρε ἀστὴρ ἐν τῷ κόσμῳ τὸν ἥλιον ἐμφαίνων.

Акаѳ. ст. 41: χαῖρε γέφυρα μετάγουσα τοὺς ἐκ γῆς πρὸς οὐρανὸν (радуйся, мосте, преводяй сущихъ отъ земли на небо). Андрей Критскій въ Θεοτοκ. стр. 61: χαῖρε γέφυρα ζωὴν πρὸς οὐράνιον τοὺς θνητοὺς ἢ μετάγουσα. Иоаннъ Дамаскинъ (тамъ-же стр. 87): χαῖρε γέφυρα θνητοὺς ζωὴν πρὸς θείαν μεταγαγοῦσα. Онъ-же въ другомъ мѣстѣ (тамъ-же стр. 14): χαῖρε γέφυρα ζωὴν πρὸς τὴν ἀθάνατον βροτοὺς ἐπαναγοῦσα. Андрей Критскій (тамъ-же стр. 21): χαῖρε θεία γέφυρα θνητοὺς μετάγουσα μόνη πρὸς ζωὴν τὴν ἀγήρω. Ему подражаетъ Тео-

1) Нумерация стиховъ Акаеиста сдѣлана по изданію Christ et Paganicas, Anthologia graeca carminum christianorum, стр. 140—147.

фанъ (тамъ-же стр. 51): χαῖρε γέφυρα θνητοῦς πρὸς ζωὴν ἢ μετάγουσα. Митрофанъ видоизмѣняетъ ст. Андрея такъ: χαίροις γέφυρα ἢ μετάγουσα ζωὴν πρὸς τὴν ἔνθεον (тамъ-же стр. 67). Иосифъ подражаетъ сравненію Дамаскина такъ (стр. 7): χαῖρε ἢ γέφυρα πάντας πρὸς τὴν ζωὴν ἐπανάγουσα πρεσβείαις σου.

Акаѳ. ст. 42: χαῖρε τὸ τῶν ἀγγέλων πολυθρύλητον θαῦμα (радуйся ангеловъ многословущее чудо). Тарасій Константинопольскій (Migne, т. 98, ст. 1497): χαῖρε τῶν ἀσωμάτων τὸ πολυθρύλητον θαῦμα. Это заимствовано изъ Андрея Критскаго (Θεοτοκ. стр. 84): χαῖρε τὸ περιβόητον θαῦμα καὶ περίδοξον ἀγγέλων καὶ στήριγμα τῶν βροτῶν и т. д.

Акаѳ. ст. 43: χαῖρε τὸ τῶν δαιμόνων πολυθρήνητον τραῦμα (радуйся бѣсовъ многоплачевное поражение). Аналогичная фраза у Θεοφана (Θεοτ. стр. 64): δαιμόνων τραῦμα μέγα.

Акаѳ. ст. 44: χαῖρε τὸ φῶς ἀρρήτως γεννήσασα (радуйся свѣтъ неизрѣченно родшая). Андрей Критскій въ Θεοτοκ. стр. 33: χαῖρε τὸ φῶς ἀρρήτως κύησασα. Иоаннъ Дамаскинъ тамъ-же стр. 87: χαῖρε ἢ τὸ φῶς ἀπορρήτως ἡμῖν πηγάσασα κόρη. Онъ самъ тамъ-же: χαῖρε φῶς τὸ ἐκ φωτός κύησασα, τὸ φωτίσαν οἰκουμένην ἅπασαν.

Акаѳ. ст. 69: χαῖρε παντός τοῦ κόσμου ἐξίλασμα (радуйся, всего міра очищеніе). Это буквально взято изъ пѣнія Андрея Критскаго (Θεοτοκ. стр. 84). У Митрофана (стр. 49): παντός τοῦ κόσμου χαῖρε ἐξίλασμα.

Акаѳ. ст. 70: χαῖρε θεοῦ πρὸς θνητοῦς εὐδοκία (радуйся, Божіе къ смертнымъ благоволеніе). Подражаніе Тарасію (Migne, т. 98, ст. 1497): χαῖρε τοῦ πατρὸς ἢ εὐδοκία.

Акаѳ. ст. 71: χαῖρε θνητῶν πρὸς θεὸν παρρησία (радуйся, смертныхъ къ Богу дерзновеніе). Подражаніе Андрею Критскому (Θεοτοκ. стр. 84): χαῖρε βροτῶν πρὸς θεὸν παρρησία μόνη.

Акаѳ. ст. 86: χαῖρε ἀοράτων ἐχθρῶν ἀμυντήριον (радуйся, невидимыхъ враговъ отраженіе). Почти буквально взято изъ пѣнія Иоанна Дамаскина (Θεοτ. стр. 42): χαῖρε τῶν... πονηρῶν ἐχθρῶν ἀμυντήριον.

Акаѳ. ст. 90: χαῖρε τῶν ἀποστόλων τὸ ἀσίγητον στόμα (радуйся, ангеловъ немолчная уста). Почти буквально изъ Дамаскина (Θεοτοκ. стр. 97).

Акаѳ. ст. 91: χαῖρε τῶν ἀθλοφόρων τὸ ἀνίκητον θάρσος (радуйся, страстотерпцевъ непобѣдимая дерзосте). Взято изъ Иоанна Дамаскина (Θεοτοκ. стр. 97). У него-же читаемъ (стр. 43):

τῶν ἀθλοφόρων χαῖρε θάρσος ἄρρηκτον. Ему подражаетъ Θεοфанъ (Θεοτοκ. стр. 77): χαῖρε βασιλευόντων ἀγνή τὸ θάρσος τὸ ἀνίκητον. Ιωσифъ подражаетъ Θεοфану (Θεοτοκ. стр. 7): χαῖρε βασιλευόντων τὸ ἀνίκητον θάρσος.

Ακαθ. ст. 92: χαῖρε στερρόν τῆς πίστεως ἔρεισμα (радуйся, твердое вѣры утверждение). Подражание Θεοфану (Θεοτοκ. стр. 65): χαίροις σεμνή και τῆς πίστεως τὸ στερρότατον ἔγερμα. Тому-же Акаѳистному стиху подражаетъ Николай Катаскепиносъ (Θεοτ. стр. 100): χαῖρε πιστῶν ἀπόρθητον ἔρεισμα.

Ακαθ. ст. 93: χαῖρε λαμπρόν τῆς χάριτος γνώρισμα (радуйся, свѣтлое благодати познание). Этотъ стихъ взятъ буквально изъ пѣнія Андрея Критскаго (Θεοτοκ. стр. 84).

Ακαθ. ст. 108: χαῖρε ἀστέρος ἀδύτου μήτηρ (радуйся, звѣзды незаходимыя матери). Подражание Андрею Критскому (Θεοτοκ. стр. 85): χαῖρε ἄστρον ἄδυτον.

Ακαθ. ст. 109: χαῖρε αὐγή μυστικῆς ἡμέρας (радуйся, заре таинственаго дне). Ιωαννъ Дамаскинъ въ Θεοτοκ. стр. 97: χαῖρε αὐγή μυστικῆς και θείας ἡμέρας.

Ακαθ. ст. 132, 133: χαῖρε ἀνόρθωσις τῶν ἀνθρώπων· χαῖρε κατάπτωσις τῶν δαιμόνων (радуйся, исправление челоуѣковъ, радуйся, низвержение бѣсовъ). Подражание Θεοфану (Θεοτοκ. стр. 79): χαῖρε δαιμόνων πτώσις και τῶν ἀνθρώπων ἡ ἀνόρθωσις. Акаѳистному χαῖρε ἀνόρθωσις ἀνθρώπων подражаетъ Митрофанъ такъ: χαῖρε βροτῶν ἡ ἀνόρθωσις (Θεοτοκ. стр. 67).

Ακαθ. ст. 136: χαῖρε θάλασσα ποντίσασα Φαραῶ τὸν νοητόν (радуйся, море, потопившее Фараона мысленнаго). Сравнение взято изъ пѣнія Θεοфана (Θεοτοκ. стр. 50): γλυχεῖα σὺ θάλασσα.... ἄρδην ἡ βυθίσασα.... σὺν νοητῷ Φαραῶ.

Ακαθ. ст. 138: χαῖρε πύρινε στῦλε ὁδηγῶν τοὺς ἐν σκότει (радуйся, огненный столпе, наставляяй сущихъ во тьмѣ). Взятъ изъ Дамаскина (Θεοτοκ. стр. 97): χαῖρε πύρινε στῦλε φωτίζων τοὺς ἐν σκότει.

Ακαθ. ст. 139: χαῖρε σχέπη τοῦ κόσμου πλατυτέρα νεφέλης (радуйся, покрове міру, ширшіи облака). Взятъ буквально изъ Дамаскина (Θεοτοκ. стр. 97).

Ακαθ. ст. 156: χαῖρε τὸ ἄνθος τῆς ἀφθαρσίας (радуйся, цвѣте нетлѣнія). Взятъ изъ Андрея Критскаго (Θεοτοκ. стр. 61): χαίροις... τὸ ἄνθος τῆς ἀφθαρσίας. Ему подражаетъ монахиня Θεκλα: χαῖρε ἄνθος... τῆς ἀφθαρσίας (Θεοτοκ. стр. 23).

Акаѳ. стр. 180: χαῖρε θεοῦ ἀχωρήτου χώρα (радуйся, Бога невѣстимаго вѣстилище). Это заимствовано изъ пѣвца Игнатія (при патриархѣ Тарасіи), произведенія котораго ошибочно приписываются патриарху Игнатію (Θεοτοκ. стр. 59): χαῖρε τοῦ ἀχωρήτου θεοῦ χώρα καὶ γῆ.

Акаѳ. ст. 181: χαῖρε ἐλπίς ἀγαθῶν αἰωνίων (радуйся, надеждо благъ вѣчныхъ). Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ: χαῖρε σεμνὴ ἐλπίς ἀγαθῶν αἰωνίων (Θεοτοκ. стр. 97).

Акаѳ. ст. 183: χαῖρε τῶν πιστῶν ἀναμφίβολον καύχημα (радуйся, вѣрныхъ извѣстная похвало). У Андрея Критскаго читаемъ: χαῖρε τῶν πιστῶν ἀπάντων καύχημα (Θεοτοκ. стр. 21).

Акаѳ. ст. 187: χαῖρε ἡ παρθενίαν καὶ λοχεία ζευγῦσα (радуйся, дѣвство и рождество сочетавшая). Тоже у Андрея Критскаго, χαίροις ἡ παρθενίαν τε λοχεία συζεύξασα (Θεοτοκ. стр. 61).

Акаѳ. ст. 228, 229: χαῖρε ἡ στήλη τῆς παρθενίας· χαῖρε ἡ πύλη τῆς σωτηρίας (радуйся столпе дѣвства, радуйся дверь спасенія). У Іоанна Дамаскина: χαῖρε πύλη νοητή· χαῖρε ἡ στήλη τῆς παρθενίας (Θεοτοκ. стр. 87).

Акаѳ. ст. 254: χαῖρε ἀστραπή τὰς ψυχὰς καταλάμπουσα (радуйся: молніе, души просвѣщающая). Подражаніе Тарасію (Migne, т. 97, ст. 1500): χαῖρε ἀστραπή ἡ τὰς ὄψεις τῶν πιστῶν ἡρέμα καταυγάζουσα.

Акаѳ. ст. 280: χαῖρε τίμιον διάδημα βασιλέων εὐσεβῶν (радуйся, честный вѣнче царей благочестивыхъ). Изъ Дамаскина: χαῖρε τίμιον διάδημα βασιλέων и χαῖρε βασιλέων εὐσεβούντων διάδημα τίμιον (Θεοτοκ. стр. 13 и 87). У Андрея Критскаго читаемъ (тамъ-же стр. 61): χαῖρε ἀνάκτων..... διάδημα τίμιον.

Акаѳ. ст. 281: χαῖρε καύχημα σεβάσμιον ἱερέων εὐλαβῶν (радуйся, честное похвало іереевъ благоговѣйныхъ). Изъ Іоанна Дамаскина: χαῖρε καύχημα σεβάσμιον ἱερέων (Θεοτοκ. стр. 87).

Акаѳ. ст. 282: χαῖρε τῆς Ἐκκλησίας ὁ ἀσάλευτος πύργος (радуйся, церкви непоколебимый столпе). Изъ Дамаскина: παντάνασσα χαῖρε Μαρία, τῆς Ἐκκλησίας ὁ πύργος ὁ ἀσάλευτος (Θεοτοκ. стр. 78).

Акаѳ. ст. 283: χαῖρε τῆς βασιλείας τὸ ἀπόρθητον τεῖχος (радуйся, царствія нерушимая стѣно). И это тоже изъ Іоанна Дамаскина: ἀκήρατε χαῖρε παρθένε, τῆς βασιλείας τὸ τεῖχος τὸ ἀπόρθητον (Θεοτοκ. стр. 87).